

Террор в небе

Жанр произведения: Криминал

Произведение написал автор BookBox Александр Клячко

Ссылка на публикацию

ЗАХВАТ САМОЛЁТА

Свежий ветер обдувал мои виски, в глазах отображался прилив тёмно-синего океана.

Наступала ночь, луна освещала горизонт бесконечной морской дали.

Кругом была тишина, только плеск волны нарушал тишину.

Я сидел и долго думал о жизни, вспоминая, что было, и думал о том, что будет.

По привычке достал из кармана пачку папирос и закурил, разглядывая звёзды. Вглядываясь в бесконечность небесного пространства, я понимал, что жизнь на земле — только начало, а продолжение после смерти где-то там? Наутро я улетел в родной свой город Санкт-Петербург после очередной своей командировки.

Через пару часов вернулся в гостиничный номер, и ужасно захотелось есть. По-видимому, после свежего морского воздуха.

Я поднял трубку телефона и позвонил в ресторан, заказал себе завтрак, хотя до него было очень и очень рано.

Минут через тридцать раздался стук в дверь моего номера. «Ну наконец-то, — подумал я, — принесли поесть».

Я поспешил к двери. Открыл: передо мной стояла молодая блондинка, до ужаса красивая.

— Ваш завтрак, сэр, — и завезла его в номер.

Я, честно говоря, немного растерялся.

— Спасибо, — ответил я.

Она продолжала стоять и мило улыбаться. «Что-то здесь не так», — подумал я. Но вскоре сообразил: нужно дать чаевые. Я достал из кармана пять долларов и протянул ей.

Она взяла и направилась к дверям.

— Минутку, — произнёс я. — Может быть, вы составите мне компанию, у меня есть замечательное сухое вино.

— Простите, нам не положено с клиентами употреблять спиртное, — ответила она.

— Так никто и не узнает, тем более мне скоро уезжать. Составьте бедному холостяку небольшую компанию.

— Ну если только ненадолго, — ответила она и присела, немного стесняясь, на кресло.

Я достал бутылку вина и бокалы, налил немного себе и ей.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Сара.

— А меня Валентин.

— А вы где живёте? — спросила меня Сара.

— В России, в Санкт-Петербурге. А вы коренная американка?

— Да, я родилась в Калифорнии, а потом мы с родителями переехали в Нью-Йорк.

— А где научились русскому языку?

— У нас соседская семья из бывшего СССР, у них и научилась.

— Ясно, — ответил я. — А молодой человек есть?

— О да, — ответила радостно она.

— Как зовут?

— Джонни, он у меня полицейский! Всё время ругается на меня, он не в восторге, что я работаю официанткой. Хотя профессия даже ничего?

— Да, любая профессия и работа благородны, — ответил я и долил в бокалы вина. Мы проболтали около часа.

— Вы извините, Валентин, мне пора идти, а то у меня будут большие неприятности, — проговорила она на ломаном русском языке.

— Да, конечно, спасибо за компанию!

— Приезжайте к нам ещё, обязательно поболтаем в нерабочее время.

— Хорошо, как буду в Штатах, обязательно вас здесь найду. Мы попрощались, и она ушла, стуча высокими каблуками.

В пять утра я вызвал такси. «Что-то долго не едет», — подумал я и посмотрел на часы.

Спустился на первый этаж, попрощался с милой девушкой, отдал ключи от номера и вышел на крыльцо. Подошла машина, я сел и отправился в аэропорт.

В аэропорту, как обычно, было многолюдно и шумно, каждый куда-то спешил. Я зашел в кафе выпить чашку ароматного кофе. Обратился к продавщице:

— Чашку кофе, пожалуйста.

Она стояла у стойки и смотрела на меня, не понимая, что я ей сказал.

— Ой, — смущённо ответил я, поняв, что русский она не понимает, и повторил: A cup of coffee, please.

Она тут же мотнула головой. Я забрал свою чашку и присел за столик напротив французов.

Они громко говорили и всё время шутили, им было весело, их было трое. Выпив свой кофе, я отправился на регистрацию своего рейса, там стояло очень много людей. Моя очередь дошла минут через тридцать, я подал документы и сумку. Сумка сразу уехала в багажное отделение, а я пошёл в зал ожидания.

Вскоре раздался громкий голос. Это был священник, он возмущался, что его, священнослужителя, заставили отстоять целую очередь на регистрацию. «Это возмутительно! — кричал он. — Где ваша солидарность и уважение, а ещё называется страна демократии и свободы!» Ну ничего, мог бы и две таких очереди отстоять, такой здоровый, подумал я. Вскоре моё мнение о священнослужителях изменится в корне, как, впрочем, и обо всём остальном.

Именно с этой минуты началась вся моя история!

На трапе, как обычно, я подал свой билет, мне приветливо и ласково улыбнулась стюардесса.

— Выпить будет? — спросил я шутя.

— Да, конечно, как только наберём высоту.

— Спасибо, — ответил я, немного с ней заигрывая.

Для меня это было не впервой, я очень много летал и мне это ужасно нравилась: и сама работа, и её процесс. В салоне на проходе было очень много людей, каждый толкался и торопился. Наконец-то я подошёл к своему месту и уселся поудобнее. Откинув столик, поставил ноутбук, и опять раздался громкий крик: «Дайте мне пройти наконец!» Я поднял голову: по салону шёл тот самый священник по направлению ко мне.

О, нет только не это, только не ко мне, подумал я. Просто чудо какое-то: он сел где-то сзади, недалеко от меня.

Я ждал, кто сядет со мной. Я летел сюда с глухонемым дедом и итальянцем, одним словом, была скукота.

На этот раз мне повезло, со мной поздоровались молодая девушка и маленький мальчик и сели возле меня.

Моё место было возле иллюминатора, минут через двадцать убрали трап, бортпроводник закрыл дверь, раздался привычный голос капитана самолёта:

— Добрый день! Вас приветствует командир экипажа авиакомпании «Аэрофлот». Рады вас видеть на борту нашего авиалайнера. Мы выполняем рейс восемьсот тридцать четыре Нью-Йорк, Джон Кеннеди — Санкт-Петербург, Пулково, перелётное время составит примерно девять часов сорок пять минут, за бортом самолёта плюс двадцать восемь градусов.

При взлёте самолёта и набора высоты запрещено передвигаться по салону, пользоваться сотовыми и другими предметами. После набора высоты бортпроводники предложат вам горячий обед и напитки. Спасибо за внимание!

Самолёт начал выруливать на взлётную полосу.

Минут через двадцать после набора высоты милая и красивая стюардесса предложила обед и кофе.

— Вы что желаете?

— А что есть? — спросил я.

— Есть мясной гуляш и картофельное пюре с колбаской, — ответила она и мило улыбнулась.

— Ну, давайте гуляш и коньячку грамм двести, если вы не против.

— Нет, не против, — мило улыбаясь, ответила она.

Полёт проходил нормально, люди начали общаться и передвигаться по салону самолёта. После обеда нам включили кино, кто-то уснул крепким сном, кто-то слушал музыку.

Меня ужасно потянуло в сон, я вставил заглушки в оба уха и заснул.

Проспал примерно около шести часов, полёт проходил спокойно. Меня разбудил громкий крик и разговор на незнакомом языке. В салоне была непонятная атмосфера. Лица людей были испуганны и растерянны. Я привстал, начал осматриваться, ко мне подбежала та стюардесса, которая мне мило улыбалась при посадке в самолёт.

Её глаза были мокрые и испуганные, она попросила всех, чтобы мы не вставали. Я спросил, что происходит, у соседки справа, она взволнованно и тихо произнесла: «Сама не понимаю».

В самолёте образовалось такая тишина, что шум двигателя был слышен очень отчётливо, как будто он находился в салоне самолёта, а не снаружи.

Через некоторое время вышел человек арабской внешности и сказал, что самолет захвачен. «Сидеть всем тихо, и у вас не будет никаких проблем».

У моей соседки задрожали руки и пропал дар речи. Если честно, то у меня не меньше: в такой ситуации и компании я оказался впервые. Учитывая то, что мы летели девять тысяч метров над землёй, всем становилось не до смеха.

Моя соседка была испугана, мне пришлось хоть как-то её отвлечь.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Анна.

— А мальчика?

— Володя.

— А меня Валентин, ну вот и познакомились. Куда летите?

— Домой, в Новосибирск, а вы?

— Я тоже домой, в Санкт-Петербург.

Только теперь не понятно, куда нас привезут, подумал я.

Володя спал крепким детским сном, в салоне был слышен тихий шёпот людей, были и престарелые, и молодые люди.

Впереди нас сидели молодые парень и девушка, недавно, наверное, поженились. Она всё время плакала и сжимала его руку докрасна, понятное дело, от страха.

Вошёл ещё один террорист и у него кто-то спросил из салона, зачем вы это делаете, здесь же пожилые люди и дети? Он посмотрел на всех диким ненавидящим взглядом и молча ушёл.

В это время проснулся Володя и первым делом попросил у мамы попить. Анна обняла его, прижала к себе и заплакала. «Аня, перестань, не надо, всё будет хорошо», — я начал её успокаивать.

Позади нас летел священник, он всё время молился, примерно через пару часов полёта с ним молился практически весь салон, кто-то очень тихо, кто-то про себя.

Вдруг раздался громкий голос престарелого человека, как потом оказалось, им был дед Иван, который летел домой после отдыха у сына в Штатах. «Вы сошли с ума? — обратился он к террористам. — Немедленно дайте воды старикам и детям и сводите их в туалет, вы люди или кто?»

К нему подбежала стюардесса и начала успокаивать: «Прошу вас, пожалуйста, потерпите немного, всё будет хорошо». «Какой хорошо, эти нелюди захватили самолёт, где дети и старики, пугают, стращают!..» Тут же подбежал один из террористов и ударил старика по голове.

Дед Иван упал между кресел и застонал, на его голове была рваная рана.

Террорист тут же громко крикнул:

— Ещё раз кто-нибудь закричит — убью! Вам всем понятно, стадо неверных?

В салоне вновь воцарилась тишина. Нам включили мультфильмы для детей, понятное дело, дети забылись, и еду и воду спрашивали всё меньше и меньше. Впереди нас во втором ряду летел мужчина крепкого телосложения, по-видимому, спортсмен, он прошептал своему соседу: «Что-то у них не так. Что-то не получается или идёт не по плану».

Вдруг залетели два террориста и один из них закричал на ломаном русском языке: «Быстро, быстро сдаём телефоны, планшеты и всё, что есть».

Начали вытряхивать сумки и пугать убийством, если кто-то не сдаст вещи.

Дети перепугались, и в салоне начался настоящий хаос и беспредел, салон самолёта превращался в воздушную тюрьму.

Кто-то кричал, кто-то громко плакал, кто-то старался оказать сопротивление и тут же был жестоко наказан. Двое террористов избивали мужчину из восьмого ряда за то, что он сдал сдачи. Они повалили его на пол и начали избивать, вокруг них образовалась лужа крови, я услышал резкий хруст руки и дикий крик мужчины: они сломали ему руку. Больше никто не оказывал им сопротивления.

Стюардессы закричали: «Отдайте всё, что они просят, и оставайтесь на местах». Один из террористов подошёл к парню и ударил его несколько раз кулаком по голове только потому, что тот со злобой посмотрел на него.

Они схватили вторую стюардессу и увели в тамбур. «Ты, тварь, подними трубку и скажи капитану, что самолёт захвачен. И если они не откроют дверь, мы начнем убивать заложников, начиная с тебя».

Девушка дрожащей рукой взяла трубку, предназначенную для связи с кабиной пилотов.

— Дмитрий Иванович, — произнесла испуганно Оксана Лебедь, — на борту террористы, они требуют, чтобы вы открыли дверь, они избивают пассажиров, пугают убийством.

— Это что, Оксана, шутка такая? — спросил командир экипажа.

В трубке раздался дикий крик на ломаном русском языке:

— Ты что, не понял, тварь? Открывай дверь, иначе я ей сейчас голову отрежу, а потом всем остальным.

— Чего вы хотите? — спросил командир экипажа.

— Открывай дверь, собака, потом узнаешь.

В это время самолёт покидал воздушное пространство Финляндии.

— Командир, через несколько минут мы будем в России, — сказал второй пилот.

— Ясно, — ответил Дмитрий Иванович, качая головой.

— Как думаете действовать? — спросил бортинженер.

— Как, как — сажать самолёт, а дальше видно будет.

Командир экипажа Дмитрий Иванович Соколов немедленно связался с диспетчером.

— Я, восемьсот тридцать четвёртый, у нас нападение. По данным бортпроводника, у нас на борту находятся террористы, угрожают убийством пассажиров. Нужна аварийная экстренная посадка.

Тут же последовал ответ:

— Ясно, — ответил диспетчер Константин Иванов.

— Мы вас видим, до аэропорта Пулково дотянете?

— Не знаю, — ответил второй пилот Андрей Самоцветов.

— Террористы где? В салоне или в кабине? — спрашивал старший дежурный диспетчер Геннадий Ставров.

— На данный момент в салоне, пытаются попасть в кабину, — отвечал командир экипажа.

— Чего они хотят, что требуют? — спросил дежурный диспетчер.

— Требований пока никаких не выдвигали, курс не меняли. Может, из-за того, что они до сих пор в салоне, — ответил командир экипажа.

— Восемьсот тридцать четвёртый, с вами говорит начальник службы безопасности воздушных полётов Головин Михаил Сергеевич. Вам нужно как можно дольше потянуть время, ведите переговоры через дверь кабины. Старайтесь создать видимость технической поломки или временной неисправности замка вашей двери. Ни в коем случае не вступайте с ними в споры, чтобы их не злить, стучите постоянно по двери, создавая вид, что вы пытаетесь её открыть.

Соглашайтесь с ними во всём, что бы они ни говорили, не игнорируйте их ни в коем случае. Примерное время вашего прибытия в аэропорт Пулково через… — он посмотрел на диспетчера. — Диспетчер ответил: «Час пятьдесят». — Через сорок минут начинайте снижение по ILS (Instrument Landing System), коридор открыт.

— Вас понял, — ответил командир экипажа.

«Странно, семь с половиной часов летели, было спокойно и тихо, как только подлетели к России, они сразу дали о себе знать», — проговорил задумчиво второй пилот.

Когда они откинули занавес, где находится тамбур между салоном и кабиной экипажа, стало понятно, что террористы до сих пор не могут попасть в кабину пилотов. С одной стороны, это радовало, а с другой стороны, это напрягало, потому что те становились злее.

Один из террористов дал 10 бутылок воды на 160 человек и сказал, чтобы все угомонились, иначе она больше никому не понадобится. Конечно, воду отдали детям и старикам, сами потерпим. Свет в салоне отключили, мы сидели тихо, от страха у людей начинались нервные срывы, у больных и престарелых людей поднималось давление, но никто ничего не мог сделать.

Девушка из соседнего ряда удивила всех: «А давайте их обезвредим и всё?» Все усмехнулись, ага, они же маленькие детки, сейчас придут, заберём пестики и поставим их в угол.

Пожилая женщина лет шестидесяти прошептала: «И что, мы будем так сидеть, пока они нас всех не уничтожат?»

— А что вы предлагаете? — спросила молодая девушка.

— Как что? Давайте с ними поговорим, убедим их, что это неправильно, каждый человек может ошибиться, — ответила она.

— Вы думаете, они сели в этот самолёт для ошибки? — проговорил мужчина, сидевший возле входа.

— Куда там, они всё спланировали и обдумали каждый свой шаг, и здесь они не случайно, убедить их в чём-то равносильно научить ворону говорить по-человечески.

В пятом ряду сидела девушка и что-то постоянно бормотала на немецком языке, ей становилось всё хуже и хуже. К ней подошла стюардесса и тихо что-то спросила, оказалась, та астматик и ей сейчас плохо, дышать становилось всё труднее и труднее. Ей срочно нужен был ингалятор, который забрали террористы.

Стюардесса обратилась к одному из террористов и начала объяснять ситуацию: пассажирке срочно нужно вернуть лекарство, иначе она задохнётся и умрёт. Террорист, мотая головой в разные стороны, не понимал, чего от него хотят, он позвал второго, который говорил на ломаном русском языке.

— Чего хочешь? — спросил второй террорист.

— Там пассажирка в тяжёлом состоянии, ей нужно вернуть ингалятор, она астматик.

— А где он? — спросил террорист.

— Когда вы забирали сумки, он остался там.

— Хорошо, иди ищи.

Стюардесса подбежала к куче вещей и начала быстро искать. Спустя минут десять она подбежала к девушке и протянула бутылёк. Девушка тут же брызнула в рот и ей стало легче.

За бортом появлялся всё ближе и ближе закат, он был красивым и ярким. Минут через сорок с небольшим самолёт резко начал снижать высоту, террористы что-то закричали и побежали к кабине пилотов. Один террорист, я его назвал Чебурашка (он очень был похож на президента Соединённых Штатов Америки), схватил молодого парня за шкирку и увёл с собой. Другой террорист приказал ему встать на колени. Парнишка, испугавшись, начал сопротивляться и кричать. Один из террористов ударил его по спине, а другой — по коленям, тот упал. Его глаза были испуганы, он рыдал и молил о пощаде. «Пожалуйста, не убивайте меня, я ещё совсем молодой, я хочу жить! У меня мама останется совсем одна, она очень больна!»

Через некоторое время раздался дикий, мучительный и ужасный крик. Никто ничего не понял. Как потом оказалось, они перерезали горло этому парню, потому что кабина пилотов была блокирована.

Они привели ту стюардессу, которая подбегала ко мне, ей было около двадцати пяти лет. «Передай капитану, что мы начали убивать заложников. Если не прекратят снижение, следующая ты».

Она подняла трубку.

— Дмитрий Иванович, они только что убили мужчину возле дверей кабины пилотов, говорят, что следующая я, если вы не прекратите снижение. Требуют, что бы вы открыли немедленно дверь.

— Ну, что будем делать, командир? — спросил бортинженер Вячеслав Тихов.

— Не знаю, — ответил командир.

— Если не откроем, они перережут полсалона, а откроем дверь, они попадут к управлению самолётом, — ответил второй пилот.

Командир связался с диспетчером:

— Говорит восемьсот тридцать четвёртый, террористы начали убивать пассажиров, на борту один труп. Что нам делать? Они требуют, чтобы мы прекратили снижение и открыли дверь.

Около трёх минут было молчание, потом они услышали ответ:

— Действуйте по своему усмотрению, нужно как можно меньше жертв, вам ясно?

— Так точно, — ответил командир экипажа. Всю ответственность возложили на него.

После этого бедным пилотам ничего не оставалось, как открыть дверь террористам и впустить их в кабину управления самолётом.

Бортинженер встал, повернулся к дверям, его сердце дико заколотилась. «Ну вот и всё», — тихо прошептал он. Его рука медленно и неохотно потянулась к замку, один щелчок — и террористы ворвались в кабину.

Один из террористов тут же ударил бортинженера, тот упал в сторону датчика, отвечающего за электропитание самолёта.

Второй террорист подбежал и в ту же секунду приставил нож к горлу капитана.

«Меняй курс!» — кричал один из них на ломаном русском языке.

Второй пилот начал их успокаивать.

— Успокойтесь, мы сделаем так, как вы хотите. Уберите, пожалуйста, нож!

— Меняй курс, быстро!

— Куда? — спросил командир.

— На Москву.

— Хорошо, — ответил командир.

— Говорит восемьсот тридцать четвёртый: борт захвачен террористами, требуют изменение курса на Москву, — объявил командир экипажа.

— Вас понял, — ответил диспетчер. — Спецслужбы и власти предупреждены, берите курс на Москву.

Самолёт тут же сменил курс.

По громкоговорителю раздалось обращение капитана:

— Уважаемые пассажиры, самолёт захвачен, мы меняем курс, убедительная просьба сохранять полное спокойствие и выполнять все их требования. Если кому-то нужна помощь, пожалуйста, обратитесь к бортпроводникам, они окажут вам всю необходимую помощь. Наземные власти и спецслужбы уже информированы.

Самолет сразу изменил курс, скорее всего, на Ближний Восток, подумали мы. Террористы завладели табельным оружием командира экипажа, ситуация в корне менялась.

После всего этого люди сидели в салоне тихо, двое террористов оттащили тело убитого парня в хвост самолета, а за ним остался буро-алый кровавый след и тихий шёпот людей.

Многие заплакали, кто-то начал кусать кулак, что не смогли ничем помочь бедному парню, которому было не больше восемнадцати лет.

На время уже никто не смотрел, да и часов не было: всё забрали. Мы просто летели в полуночном мраке.

Нам включили кино. Крупный мужчина из пятого ряда решил попробовать обезвредить их поодиночке: когда зашёл Чебурашка, он кинулся на него сзади, повалил на пол, а двое парней тоже решили помочь и начали связывать тому руки и ноги.

Чебурашка закричал, тут же вбежали в салон ещё двое террористов и увидели, что их товарищ лежит на полу, а на нём трое мужчин. Они практически в упор расстреляли их.

Опять начался хаос. Террористы разделили всех женщин и мужчин на две половины. Нас посадили слева, а женщин справа. А самых здоровых и молодых парней увели в хвост самолета.

В салон вбежал командир экипажа.

— Вы что творите?! — закричал он. — Прекратите немедленно!

Террорист навёл на командира пистолет:

— Твоё место где?

Командир продолжал с ними ругаться, не отказывая себе в мате. Он был в бешенстве и гнев из него выходил потоком.

— Мы сделали, как вы и просили, сменили курс, открыли дверь, немедленно прекратите этот бардак!

— Я сейчас тебя застрелю! — крикнул террорист.

— Стреляй! Самолёт сам поведешь и садить будешь!

К террористу подбежал его напарник и увёл от командира.

— Значит так! Если вы не прекратите этот беспредел, самолёт сажать на землю я не буду, топливо не бесконечно, а значит, мы приземлимся только камнем вниз.

— Мы смерти не боимся, на всё воля Аллаха, — ответил террорист.

— Да, может быть, но и ваши планы рухнут вместе с этим самолётом! — кричал командир.

Они насильно затолкали командира в кабину и сказали сидеть всем тихо.

Ещё долго в салоне был слышен плач детей, стариков и женщин, они были на пределе своих сил. Террористы уселись в салоне бизнес-класса, они крикнули стюардессу, которая находилась среди пассажиров, помогая им чем только можно.

Она спокойно подошла.

— Что нужно? — спросила испуганно стюардесса.

— Принеси нам кофе и чего-нибудь горячего поесть. Только живее!

— Хорошо, — ответила она и пошла в тамбур, где находится кухня.

Минут через десять она принесла им горячий кофе и мясной гуляш.

— Это что? — крикнул на неё один из них.

— Простите, ничего другого больше просто нет.

В салоне запахло дымом, они закурили, что-то громко говорили на своём языке и смеялись.

У меня в кармане лежало яблоко, я протянул его маленькому Володе.

— Что нужно сказать? — спросила Аня у сына.

— Спасибо.

— Ешь на здоровье.

— А у нас дома тоже растут яблоки!

— Где у вас? — поинтересовался я.

— В нашем городе, — ответил маленький Володя.

— Мы с ребятами иногда ходим и рвём, они очень вкусные. Там раньше был чей-то огород, а сейчас он брошенный.

— Правильно, яблоки нужно есть, в них много витаминов. Вырастешь большим и сильным.

— Не обращайте на него внимания, он просто маленький хвастун, — сказала Аня, и мы все вместе засмеялись.

— А вас как зовут? — обратился я к молодой паре, сидевшей впереди.

— Меня — Олеся, а его — Дмитрий.

— Я так понимаю, вы муж и жена?

— Да нет, ещё не успели, только планируем.

— Ясно.

К нам подбежала маленькая девочка с заднего ряда и позвала Володю поиграть. Аня схватила его за ручку.

— Отпустите его, пусть побегают, — сказала мама этой девочки.

— Я боюсь!

— Не бойтесь, всё будет хорошо. Детей они, поди, не тронут?

Они побежали играть, минут через пять к ним присоединились ещё дети, которые были на борту.

Они играли и веселились. Казалось, что всё ужасное позади, или как будто это происходит не с нами. Нам разрешили немного походить по салону и тихо разговаривать, напряжение начало потихоньку спадать. Но душевное состояние оставалось прежним: кто-то смотрел сквозь иллюминатор в чёрную бездну, кто-

то своим взглядом разглядывал всех сидящих, кто-то просто молчал и из глаз катились слёзы.

Но все понимали, что на данный момент нам помочь никто не может, кроме экипажа самолёта.

Спустя некоторое время к нам зашёл террорист. Он поглядел на всех и отправился в хвост самолёта, где находились молодые мужчины. Минут через пять он вернулся обратно, ему на пути встретился молодой парень. Террорист ударил его кулаком по лицу.

— Ещё раз увижу, убью! Сядь на место!

Парень упал и ударился головой об пол, потекла кровь. Его посадили на кресло, и стюардесса наложила ему повязку.

— Эх, сейчас мороженого бы поесть холодного с гранатовым сиропом, как думаете, Аня?

— Да нет, мне хочется, чтобы мы все быстрее вернулись домой живы и здоровы, — ответила она.

— Так и будет, а иначе и быть не может!

Аня указательным пальцем показала на лужу крови, которая появилась после убийства мужчин.

— Я так не думаю, что всё будит хорошо. Откуда нам знать, что у них на уме?

— И то правда, — ответил я.

— Вы знаете, я так не хотела лететь этим рейсом, мы с Володей должны были лететь через два дня. Мама позвонила, сказала, что сильно приболела, вот и решили лететь сегодня. И кошка чёрная дорогу перебежала, и такси очень долго не ехало. Плохая примета, вот нам и результат.

— Вы как думаете, куда мы летим? — спросила женщина из первого ряда мужчину, сидевшего рядом.

— Не знаю, — ответил он. — Наверное, куда-нибудь на Восток или в Эмираты.

— А вы как думаете, святой отец, куда мы летим? — спросила его женщина.

— Не знаю, дочь моя, куда мы летим. Но знаю одно: на всё воля Божья, молится нужно. Господь своих чад в беде не оставит, — отвечал святой отец, понимая

при этом, что, может быть, они от дома всё дальше и дальше.

— Интересно, президента поставили перед фактом происходящего? — произнёс второй пилот.

— Думаю, да, — ответил бортинженер.

— Никогда бы не подумал, что такое может с нами произойти, — сказал второй пилот. — Летали, летали, и вот тебе пожалуйста!

Все усмехнулись. Минут через десять второй пилот шёпотом произнёс:

— Смотрите, наш военный истребитель справа, что они собираются делать, интересно? Как думаете, командир?

Дмитрий Иванович отключил автопилот и, покачивая крыльями самолёта влево и вправо, поприветствовал пилота истребителя. Тот тоже покачал крыльями и, развернув свой самолёт, исчез в ночной мгле.

— Надеюсь, они сбивать нас не собираются, — проговорил второй пилот. — Ещё не хватало, чтобы мы погибли над родной землёй да от родного снаряда…

Все были испуганы, но вида не подавали ни друг другу, ни пассажирам.

В кабину зашёл террорист.

— Где мы сейчас? — спросил он командира.

— Пару минут назад влетели в российское воздушное пространство.

— Хорошо, — ответил террорист, — летим в Москву.

— Развернулся и ушёл.

— Интересно, что они хотят там делать? — спросил бортинженер. Я надеюсь, не на Красную площадь будем садиться.

— А ты в коммуналке живёшь? — спросил его командир.

— Да, а что? — ответил бортинженер.

— Как что? Сразу трёхкомнатную получишь, не жизнь, а сказка. — И все засмеялись.

Я заострил свой взгляд на двух парнях, которые сидели в третьем ряду. Один другому что-то объяснял, когда я прислушался. Парень, который объяснял, был

наш, русский, немного выпивший, а его сосед — немец.

— Вот вы думаете, как ещё раз можно завоевать Россию? Да никак! Она была, есть, и будет! — продолжал настаивать парень. — Весь мир думает, как бы отхватить кусочек земли, завладеть всеми нефтяными ресурсами или многим другим. Да ни черта вы не отхватите, конечно, не спорю, половину мы потеряли! Но придёт время, когда к ним придёт беда, и они поймут, как плохо без России. Вот Крым от нас отделился, а когда поняли, что будет дальше, ужаснулись и вспомнили, что они русские, и сразу к нам обратно. Европа и Запад ввели против нас санкции, решили нас как-то унизить, сделать больней, может быть, надеялись, что смогут развязать революцию или, ещё хуже, гражданскую войну? Думали, что Россия помрёт с голоду? Не вышло.

У нас люди добрые, и людская беда одна на всех. Промышленность у нас выросла за годы санкций в несколько раз больше, чем за десятки лет застоя. У нас сейчас мясо, фрукты, овощи свои и чужого нам не надо. Одним словом, всё, что для Европы и Запада плохо, для России хорошо. Они потеряли миллиарды, а мы выиграли время.

Вот и эти захватили самолёт и думают, они победили? Знаешь, есть такая русская поговорка: кто на Россию с мечом придёт, тот от меча и погибнет, ведь так? — спросил он немца.

— Гут, гут, — отвечал немец, кивая головой. Потом, как оказалась, он русского языка практически не понимал, и всё откровение парнишки оказалось напрасным.

Вдруг парень из четвёртого ряда, сидевший возле прохода, удивил всех:

— Хотите, анекдот расскажу?

— Ну давай валяй, — крикнули ему из салона.

— В самолёте в кабину пилота заходит человек и требует изменить курс под угрозой взрыва. Пилот соединяется с диспетчером: «Борт 817, у нас нападение, требуют изменить курс». Диспетчер: «Сейчас проверим… Так точно, на ваш самолёт согласно таможенной декларации было пронесено 93 килограмма тротила. Мы ещё тогда подумали, на фига им столько?»

— А ещё знаешь? — кто-то крикнул из салона.

— Да так, немного, — отвечал он.

— Ну давай ещё!

— Значит так, — продолжил паренёк. — Не нужно бежать от снайпера, только умрёшь уставшим.

Весь салон был в слезах не от происходящего, а от смеха.

— Давай ещё!

— На заводе а/я 578544 раздался звонок: «Это завод ракетных интеллектуальных систем наведения?» Через час застрелился начальник режима. Спустя несколько дней снова раздается звонок: «Это завод РИСН?». Директор завода пошёл под суд, сменили всю охрану, ночью весь завод эвакуировали.

Спустя несколько дней раздаётся звонок: «Это завод РИСН?»

— Да! Что надо?

— Марусю позовите.

Ему аплодировали ещё долгое время, он нас веселил своими анекдотами, все немного забылись и не вспоминали о происходящем.

Вдруг раздался крик стюардессы из пролёта между кабиной пилотов и передним выходом.

— Не надо, пожалуйста, уберите руки!

Второй пилот выскочил из кабины. На полу лежала Оксана Лебедь, её одежда была разорвана, капроновые колготки сняты. На ней лежал террорист Чебурашка. Закрывая ей рукой рот, он пытался изнасиловать молодую и красивую девушку. Второй пилот мгновенно схватил его за шкирку и откинул террориста назад. Стюардесса, обливаясь слезами, заползла в угол и, опустив голову, зарыдала. Между Чебурашкой и пилотом завязалась драка, тут же прибежали остальные и развели их по углам. Один из террористов спросил, что произошло. Чебурашка отряхнулся, застигнул ширинку своих брюк и с руганью на своём языке ушёл в салон.

— Какой он мусульманин?! — кричал второй пилот.

— Забирая честь у девочки, которая ему в дочери годится? Какой он мусульманин после этого?

— Извини, дорогой, — сказал их главарь, — он так больше не будет. Иди на место.

Пилот подошёл к Оксане, взял её за руку и увёл в кабину: «Посидишь с нами».

Спустя часов восемь полёта командир экипажа объявил, что мы садимся в аэропорту Внуково. Необходимо пристегнуть ремни безопасности, самолёт начинает снижение. Нам стало спокойнее: как-никак, а на земле.

Когда самолет садился на полосу, было темно и лил сильный дождь. Он, словно туман, окутал самолет и ничего не было видно. Только после остановки сквозь дождь стали видны прожектора пожарных спецмашин, направленные на самолёт. Ещё через некоторое время подали трап, сердце очень сильно заныло, так захотелось коснуться земли.

Террористы бегали по салону и что-то орали, потом они открыли заднюю дверь в хвостовой части и скинули вниз тела четырёх убитых парней. Того парня восемнадцати лет и тех, кто попытался обезвредить террориста Чебурашку.

Нам очень хотелось пить, про еду мы старались и не думать, а за окном столько воды, я начал понимать её вкус.

Спустя несколько часов подъехала машина, из неё вышел представительный мужчина и направился вверх по трапу самолёта, через несколько секунд он был уже в салоне. Говорил он чётко и ясно:

— Мне нужно убедиться, что с пассажирами всё в порядке, что нет раненых и больных.

Террористы ответили, что больных и раненых нет, «а убитых мы вам скинули на обозрение, если наши требования не будут выполнены, появятся ещё трупы».

Переговорщик посмотрел им в глаза, и тут же отправился в салон, где находились пассажиры.

— Здравствуйте! — поздоровался он с нами. — Я понимаю, что вы сейчас волнуетесь и очень сильно устали, но вы должны держаться как никогда. Я обещаю, мы освободим вас как можно быстрее, вам привезут еду, воду, медикаменты. Сейчас к каждому подойдёт бортпроводник с листком бумаги, напишите всё, что вам нужно, а также адреса и телефоны своих родственников, чтобы мы могли их проинформировать.

Мы смотрели на него как на спасителя, он отлично это понимал, что ему сегодня достался не лучший день в его жизни — нести ответственность за наши жизни. Тогда он обратился к террористам:

— Отпустите детей, беременных женщин, больных стариков!

— Нет! — закричали террористы. — Пока наши требования не будут выполнены, никто отсюда не выйдет!

— Какие ваши требования? — спросил он. — Они подали ему большой лист бумаги, он прочитал и сказал, что это займёт некоторое время.

Чебурашка ответил:

— Нам торопиться некуда, мы подождём.

— Хорошо, — ответил он. — Сейчас мы передадим пассажирам еду, воду, лекарства и всё необходимое.

Террористы согласились. Девочки бортпроводницы обходили салон, составляя список необходимых лекарств. В это время переговорщик зашёл в кабину пилотов.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравствуйте! — ответил командир.

— Привет, — со вздохом сказал второй пилот.

— Ну, как вы здесь? — спросил он.

— Как-как, потихоньку, — ответил командир экипажа.

— Домой сильно хочется, — добавил бортинженер.

Юмор — это хорошо, и все засмеялись.

— Значит так, ребята! Связь с вами будет проходить через вас… кабину пилотов, штаб находится в аэропорту. Сколько их здесь?

Все покачали головами:

— Ой, точно мы не знаем, может два, может три? Кто его знает, сколько их тут, — ответил второй пилот.

— Как бы здесь ни было, держитесь, это самое главное.

Мужчина сошёл с трапа, сел в машину, и она исчезла в темноте проливного дождя.

Террористы немного обмякли, разрешив детям и женщинам передвигаться по салону самолёта. Володя и ещё несколько детей наконец смогли побегать и

поиграть, немного забыть о происходящем.

В это время местные власти решали поставленную перед ними задачу, а задача была непростой.

Террористы потребовали от властей денег и освобождение из китайской тюрьмы их руководителя, за которым долгое время охотились многие страны мира.

— Это невозможно, — сказал директор Федеральной службы безопасности Михаил Петрович Пороховой.

— Китайские власти на это никогда не пойдут, — и он вытер платком пот на затылке.

— Ну и что делать? — спросил генерал-майор министерства внутренних дел Олег Николаевич Бетухин.

— Если мы не начнём выполнять их требования, они начнут скидывать трупы заложников прямо на Красную площадь.

Обстановка становилась очень напряжённой, в кабинете начались споры. Пороховой кричал, что нужно немедленно штурмовать самолёт, кто-то кричал: «Вы сошли с ума? Мы только приблизимся к самолёту, они откроют огонь, в лучшем случае по нам, а если по заложникам?»

— Нужно связаться с китайскими властями, срочно, — сказал первый заместитель департамента по правам человека.

— Ну да, и что вы им скажете, отдайте нам террориста? — прокричал Пороховой.

Бетухин усмехнулся:

— И ещё денег попросим?

Ситуация заходила в тупик.

— Свяжитесь с Интерполом, срочно, — крикнул Пороховой, — запросите у них видеорегистрацию и список всех пассажиров рейса восемьсот тридцать четвёртого. Любым способом установите личности террористов, проверяйте все данные паспортов, должна же быть хоть какая-то зацепка?

— Не могли же они зарегистрироваться под своими настоящими именами! — кричал Бетухин.

— Вот именно! — ответил Пороховой. — Ни черта не понимаю, куда смотрели спецслужбы США? Они ходят у них как дома и летят куда хотят? — на эмоциях говорил Пороховой.

— Что правда, то правда, — сказала Ольга Николаевна Простых, представитель Президента Российской Федерации, качая головой.

Минут через пятьдесят раздался стук в дверь кабинета.

— Разрешите?

Вошёл молодой майор.

— Вы установили личности террористов? — спросил Пороховой.

— Так точно! — ответил майор и положил папку с досье на круглый стол. Все ринулись к нему.

— Террористами оказались: Асахара Лабек, 1970 года рождения, уроженец Саудовской Аравии, Патрик Лосо, уроженец США, 1975 года рождения. И Чебурашка, им оказался 35-летний Бандар бон Султан, уроженец Саудовской Аравии.

Хоть что-то стало проясняться, но время шло.

— Ну, что будем делать? — спросила Ольга Николаевна Простых, представитель президента.

— У нас есть уже четыре трупа, вы хотите пополнения? — крикнула она.

— Ещё немного и они начнут стрелять в заложников и скидывать их нам, тогда президент нам головы поотрывает. А с вас, Михаил Петрович, погоны сдёрнут, в воду не гляди.

Наступила минута тишины, через некоторое время по правительственной связи позвонил сам президент.

— Ну, что у вас, почему не докладываете? Почему я должен звонить вам сам?

Все растерялись.

— Докладывайте, Олег Николаевич!

— Товарищ президент, все меры приняты… Мы делаем всё возможное и невозможное по освобождению заложников.

— Да ни черта вы не делаете, — раздался громкий крик в телефонную трубку. — Что они хотят? Докладывайте, Михаил Петрович!

— Товарищ президент, они требуют десять миллионов долларов и освобождения из китайской тюрьмы Мохаммеда бена Салмана, 1950 года рождения, гражданина Саудовской Аравии. Они понимают, что китайцы наши деловые партнёры, видимо, и поставили карты именно на это.

Президент некоторое время молчал, потом произнёс:

— Но это же практически невозможно? Наша страна не торгуется с террористами. Что хотите предпринять, ваши действия?

— Товарищ президент, сейчас мы планируем штурм самолёта, в любом случае самолёт с взлётной полосы не взлетит, — докладывал Пороховой.

— Какие могут быть жертвы?

— По нашим данным, на борту самолета находятся сто пятьдесят четыре пассажира и шесть членов экипажа.

— Докладывайте мне через каждый час, нет, каждые тридцать минут, ясно?

— Так точно, товарищ президент, — и раздались гудки.

Все выдохнули из себя воздух, но были красные.

Нам привезли продукты и воду, для детей немного сладостей, у них начался настоящий праздник. Террористы обмотали салон какими-то проводами, скорее всего взрывчаткой, подумали мы. Они контролировали весь самолёт.

К нам вышел капитан экипажа, чтобы убедиться, что с пассажирами всё хорошо. Он был спокоен. Проходя по салону, он встретил Вову, погладил его по голове, приобнял и спросил: «У вас всё в порядке?» Ему отвечали: «Да!»

Капитан понимал, что на нём лежит сейчас большая ответственность за всех нас. Он был уже в годах, на его голове была седина словно белый снег. По его лицу было видно, что он хочет спать и сильно переживает за происходящее.

Когда он прошелся к хвосту самолёта и обратно, к нему подошел Бандар бон Султан (Чебурашка). Террорист заметно нервничал, было заметно, что их терпение на пределе. С момента захвата самолёта прошло примерно 15 часов, понятное дело, все устали и террористы тоже.

Приближался рассвет, дети и многие другие пассажиры спали, было душно, сильно пахло потом, в салоне находились люди разных национальностей: немцы, американцы, русские, китайцы.

Аня меня спросила:

— А вы где работаете, если не секрет?

— Какой секрет, — рассмеялся я.

— Я работаю журналистом, пишу статьи, беру интервью у разных интересных и знаменитых людей в любой точке мира.

— Наверное, много летаете?

— Да, Аня, летаю много, работа такая. А вы где работаете?

— Я врач педиатр.

— А муж?

— А мужа у меня нет! Он нас оставил, когда Володе было два годика.

— Простите, — сказал я.

— Да ничего, всё хорошо, мы уже привыкли, что у нас нет папы. А вы женаты?

— Да нет!

— И что, ни разу не были?

— Представьте себе, нет!

— Почему?

— Пытался, не повезло.

— Не отчаивайтесь, всё ещё впереди, — сказала она и мило улыбнулась.

Ко мне подошёл мужчина с клоунской накладкой на носу.

— Хотите, покажу фокус? — спросил он.

— Дайте одну любую купюру и она исчезнет? — шутливо ответил я ему.

— Сделай фокус вон там, впереди, может, террористы исчезнут, и мы наконец вернемся в свои дома?

Все, кто не спал, тихо засмеялись. Оказалось, этот человек действительно фокусник и работает в цирке.

Спустя несколько часов террорист Асахара Лабек заскочил в салон, пробежал в хвост самолёта и вывел оттуда двух мужчин. Было слышно, как открылись двери к трапу, мы подумали, что этими мужчинами хотят прикрыться или на что-то их обменять. Через несколько секунд раздались выстрелы, и окровавленные люди попадали по трапу вниз.

Они стреляли прямо в упор, всё было в брызгах крови и человеческих мозгах. Из кабины выскочил второй пилот и накинулся на Бандара бон Султана (Чебурашку). Второй террорист выхватил нож и перерезал ему горло, и белая рубашка пилота превратилась в красную. Его тоже скинули с самолёта, крича «Аллах Акбар». Все опять перепугались и заплакали.

— Да что же это такое? — закричала женщина лет сорока.

— Куда смотрят наши власти, им там совсем на нас наплевать? Нас здесь всех расстреляют, а им и дела нет?

Один человек, лежавший на трапе, ещё был жив, он долго стонал и молил о помощи. Но к нему никого не подпускали, он медленно и мучительно, истекая кровью, умирал, держа в сжатом кулаке фото своей семьи. Он угасал, словно уголёк, по его руке стекала кровь на размытую дождём дорогу.

Всем стало понятно: или нас обменяют, или нас ждёт такая же участь, как тех несчастных, что лежат на трапе этого самолёта.

Тут раздался звонок от командира спецподразделения «Альфа», наблюдавшего за самолётом.

— Докладывает майор Кавольчук, террористы начали отстрел заложников, ситуация выходит из-под контроля. Что делать?

Созданная комиссия была в шоке, и никто не знал, что делать и с чего начинать. Пороховой, директор ФСБ, отдал приказ немедленно доставить деньги к самолёту, чтобы таким образам хоть немного оттянуть время. Переговорщик взял две большие сумки и вышел из кабинета в сопровождении пяти охранников. Он понимал, что оттуда он может и не вернуться, но и другого выхода просто не было, и броневик с деньгами направился к самолёту. Переговорщик достал деньги и положил возле трапа, затем поднялся и сказал:

— Ваши условия выполняются, но вы должны прекратить отстрел заложников и выпустить всех детей, женщин и стариков. После этого вам поднимут деньги.

Террористы согласились выпустить только детей, но и это уже была, пускай и небольшая, но победа. Детей выводили по парам, всего вывели тридцать шесть человек. Их погрузили в автобус и увезли в ту же секунду. Родители были спокойны, что их чада уже вне опасности и не увидят этого кошмара.

В командном пункте доложили, что дети в безопасности, с ними работают врачи, психологи и следователи. Пороховой предложил штурмовать, пока не поздно. Его поддержал Олег Николаевич Бетухин. Только одна была против штурма — Ольга Николаевна Простых, представитель Президента Российской Федерации.

— Они же начнут стрелять в заложников! — кричала она.

— В ней взыграл женский инстинкт, когда мать защищает своё дитя.

— А если мы будем сидеть, они уничтожат самолёт и пассажиров, вы же понимаете, что их главаря никто им не выдаст! — закричал Пороховой.

Мнения разделились.

— Давайте позвоним президенту? Как он скажет, так и будет, — предложила Ольга Николаевна Простых.

— А вы кто? — крикнул Бетухин. — Вы и есть представитель президента. Боитесь брать на себя ответственность перед обществом, уважаемая Ольга Николаевна?

— А вы герой, Олег Николаевич? Решать чужие судьбы, кому жить, а кому умереть?

— Да, я считаю так, — отвечал Бетухин, — лучше потерять двадцать человек, чем сто пятьдесят! Разницу чувствуете?

— Я чувствую, что пострадают люди, — ответила она и отошла к окну, где как на ладони был виден самолёт.

Наступало утро, было слышно пение птиц, такое прекрасное, что мы забыли, что происходит. В салоне была гробовая тишина, только был слышен храп священника, сидящего позади. Нам казалось, что ему всё происходящее нипочём, сейчас выспится и опять молиться начнёт. Странные люди, эти священники: их чуть ли не на расстрел ведут, а они улыбаются и говорят спасибо.

Стюардессы принесли нам горячий кофе и завтрак, который состоял из картофельного пюре и одной сосиски, другого просто ничего не было. Где-то спереди справа у женщины лет пятидесяти поднялось сильное давление, из

носа пошла кровь. Прибежала молодая стюардесса и принесла вату и нашатырь, обратилась к Чебурашке: «У женщины высокое давление, ей очень плохо, нужен врач». Капитан связался с диспетчером, и они прислали врача. Тот осмотрел женщину и сказал, что ей нужно срочно в больницу, здесь она недолго протянет. Террористы ответили отказом, «если ей суждено умереть, на всё воля Аллаха». Тогда врач предложил себя за её место: «Давайте я останусь, а её увезут». Они что-то обсуждали минут пять на своём языке, потом один из них сказал: «Хорошо, иди в салон». Когда женщину подняли и стали выводить, прозвучал выстрел в спину, дверь самолёта мгновенно закрылась, и врач остался на борту, а женщина умерла, упав на трап, даже не поняв, что произошло.

К ним подбежал врач: «Зачем вы это сделали? — крикнул он. — Я же остался!» «Ты что думаешь, мы дурные выпускать свидетеля? Иди на место, а то мы тебя к ней отправим!» «Суки», — прошептал врач и направился в салон.

Он сел напротив меня, я спросил, как там, что делать будут? Он покачал головой — всё будет хорошо — и начал осматриваться по сторонам. Немного позже он у меня спросил, их трое или больше. Я спросил:

— Кого?

— Как кого? — удивлённо переспросил меня он.

— Террористов?

— Вроде трое, а что?

— Да нет, ничего, так, к размышлению.

Аня всё время смотрела в окно, словно ей кричал Вова. Её сердце одновременно и плакало, и радовалась. Врач предложил нам сыграть в карты, и мы с Аней с удовольствием согласились составить ему компанию. Я спросил:

— Как вас зовут?

Он улыбнулся и сказал:

— Андрей, а вас?

— Меня зовут Валентин, а вот очаровательная моя соседка — Аня. Тоже ваш коллега, врач педиатр.

— Очень приятно, — ответил он, достал колоду карт и уселся так, что весь салон перед ним был как на ладони.

— Ну что, поехали, — сказал он и начал раздавать карты.

Во время раздачи у него случайно упала карта, он наклонился, чтобы её поднять, а я обратил внимание на его телосложение: он был здоровым и крепким мужчиной. Скорее всего, военный человек, судя по его телосложению и манере двигаться. После раздачи Андрей спросил:

— Ну, у кого шестёрка бубен?

Все промолчали.

— А семёрка?

— У меня, — сказала Аня.

— Ну, ходи, Аня.

Аня кинула шестёрку крести, но Андрей не отводил взгляда от кабины пилотов, где находились террористы. Когда закончили играть в дурака (естественно, я остался, мне никогда не везло в карты), Аня спросила Андрея:

— Вы не знаете, где сейчас наши дети?

Андрей чётко и уверенно ответил, что дети находятся в гостинице под присмотром врачей, и они в полной безопасности. От этой новости Аня заулыбалась.

— А вы откуда знаете, что они в безопасности? — спросила мать одной девочки.

— Я их осматривал и сопровождал в гостиницу «Москва», — тихо ответил Андрей.

У женщине на лице появился румянец, она предложила Андрею печенье к чаю. «Нет, спасибо, не нужно, — ответил Андрей, — я на диете. Все засмеялись.

Мы всё больше становились одной семьёй. К нам вышел капитан, измученный и утомлённый, спросил, всё ли у всех хорошо, есть ли жалобы? Произносил он всё это почти как в бреду. Все понимали, как ему трудно. Мы-то могли позволить себе немного сна, а он не спал которые сутки напролёт.

Андрей подошёл к нему и что-то прошептал на левое ухо. Капитан покачал головой и вернулся в кабину на своё место. В кабине постоянно находился один террорист, один был у входа в самолёт, а Чебурашка ходил между салонами и постоянно поглядывал в окно, чтобы власти не начали штурм. Священнику отцу Николаю удалось разговорить Чебурашку Бандара бона Султана, он сел

напротив него, рядом с нами. Он спросил:

— Зачем вы это делаете?

Чебурашка ответил:

— Вы наш народ всегда унижали, приходили на нашу землю, убивали стариков, женщин, детей, вы приходили завоёвывать нашу землю, испытывали своё оружие, теперь наш черёд отплатить вам сполна. Вот вы священнослужитель, а как вы живёте? У каждого несколько жилищ, машины импортные дорогостоящие, возле вашего храма сидят нищие и просят милостыню, а вы их прогоняете, а сами живёте как султаны, и это, по-вашему, правильно? Мы докажем всему миру, что мы — дети Аллаха, а вы недостойные и неверные его дети, которые подлежат наказанию, и только смерть может спасти неверного.

— Но ведь дети не могут быть виновными и неверными, они же ещё неразумные? — спросил отец Николай.

— А мы детей не трогаем, мы сражаемся с вами, неверными, — отвечал Чебурашка.

— Отпустите пожилых людей и больных женщин, — попросил отец Николай.

Во время разговора Чебурашку позвал в кабину Асахара Лабек, и он ушёл.

В это время Президент России связался по телефону с Президентом Китайской Народной Республики.

— Здравствуйте, — произнёс тревожно Президент России Анатолий Валерьевич Коваленко.

— День добрый! — отвечал Президент Народной Китайской Республики Джи Сон Хуньян.

— Знаем ваше горе, даже, можно сказать, катастрофу, — продолжил говорить Президент Китая.

— Вы поймите, если мы выпустим Мохаммеда бена Салмана, мы спасём сто человек, а потеряем в сотни раз больше. И мировые политики скажут, мы отпустили гремучую змею прямо в нору с мышатами.

— Да, конечно, — соглашался Президент России.

— Мой друг, — произнес Джи Сон Хуньян, — можно сделать следующее. Мы готовы этапировать Мохаммеда бена Салмана, но нам нужны гарантии, что самолёт с террористами и с Мохаммедом бен Салманом вне зависимости от заложников, есть они на борту или нет, не покинет воздушное пространство России.

Российский Президент понимал, что Президент КНР сейчас всю ответственность возлагает на Россию. Мол, вы упустили, а значит, весь мир начнёт вас есть живьём. Зато Китай, наконец, снимет себя эту непосильную ношу. Это было выгодно им, но не России. Потому что мы, так или иначе, могли потерять заложников, даже если террористы освободят часть заложников, а часть оставят для страховки, чтобы их не сбили в воздухе. Это понимали оба президента. В любом случае наш президент политически остаётся виновен, погибнут ли заложники в воздухе, на земле или при штурме самолёта: овчинка выделки не стоит.

— Хорошо, мы подумаем, — ответил Коваленко, попрощался и положил трубку.

Президент ещё долгое время сидел за столом и размышлял, как лучше поступить, он вспоминал и анализировал все ошибки, которые были допущены в «Норд-Осте», Дагестане и при взрыве в Московском метрополитене. Он встал и долго ходил из угла в угол по большому и просторному кабинету, наконец остановился возле окна. На тот момент он не думал о своей политической карьере, он думал о заложниках, которые находились на борту этого самолёта.

Тишину разорвал голос, это был его лучший друг, с которым они учились вместе в институте, Председатель Правительства Российской Федерации Мартынов Евгений Петрович, единственный человек, с которым он был на «ты».

— Привет! Ну как ты? — спросил Мартынов.

Президент покачал головой:

— Плохо всё…

— Анатолий, — обратился к нему Мартынов, — прежде всего ты президент, а потом только человек и свои эмоции ты не должен выдавать, понимаешь?

Президент покачал головой.

— Конечно, понимаю, — ответил он.

— Чего они хотят? — спросил Мартынов.

— Чтобы мы выпустили их главаря из заключения, который находится под китайской юрисдикцией, и денег десять миллионов долларов. Вот такие дела, — подняв голову, стуча авторучкой по столу, президент посмотрел на Мартынова.

— Что говорит Пороховой? — спросил Мартынов.

— Докладывает, что готовятся к штурму.

— Ну да, ну да, — проговорил Мартынов.

Вдруг раздался голос секретаря:

— Товарищ президент, вам звонок из ФРГ.

— Хорошо, соединяй.

Они посмотрели друг на друга, Мартынов качнул головой, держись.

Президент поднял трубку:

— Доброй ночи, — произнёс он чётко и уверенно.

— Здравствуйте, — поздоровался канцлер Германии Ханс Хельмут. — Знаем о вашем горе, Анатолий Валерьевич. Если вам нужна помощь, мы готовы незамедлительно вам её оказать. Наш спецназ и техника в вашем распоряжении.

— Нет, спасибо, — ответил Президент России, — мы полностью в состоянии решать свои проблемы сами.

— Да, но не нужно забывать о том, что, по нашем данным, на борту восемьсот тридцать четвёртого рейса находятся граждане ФРГ, — с настойчивостью говорил канцлер, — и мы понимаем, что они могут пострадать или погибнуть.

— Я вас понимаю, уважаемый Ханс Хельмут, — отвечал Президент России, — ваше беспокойство и вашу ответственность перед вашим народом, но и вы нас должны понять, мы сейчас переживаем не меньше вашего.

— Анатолий Валерьевич, — продолжал настаивать канцлер, — вы меня простите, но если бы это произошло, допустим, в Америке, то их власти в первую очередь пытались бы освободить российских заложников и других иностранных лиц, а потом только своих.

— Я вас не понимаю, — ответил Анатолий Валерьевич Коваленко, — Вы нас в чём-то обвиняете? В конце концов, мы их сюда не звали, и позволю себе вам

напомнить, прилетели они из Соединённых Штатов Америки. И если они у них ходят с поддельными паспортами по всей стране, словно гуляют по набережной с девушкой, то о какой безопасности может идти речь?

— Извините, Анатолий Валерьевич, — ответил канцлер, — я ни в коем случае не хотел вас обидеть, просто мы хотим вам помочь.

— Хорошо, если нам понадобится ваша помощь я вам позвоню.

— Они попрощались, и в трубке раздались короткие гудки.

— Евгений Петрович, включи телевизор, посмотрим новости, что они трубят, интересно, — сказал президент.

Евгений Петрович подошёл к тумбе, взял пульт, включил «Первый канал». Через несколько минут начались новости.

Ведущая новостей начала выпуск:

— Сегодня в аэропорту Внуково были отменены все рейсы вылетов, но повода для беспокойства нет. Так сообщила нам пресс-служба аэропорта Внуково: «Да, действительно, все рейсы отменены по причине экстренного ремонта взлётно-посадочной полосы (ВПП). Все рейсы перенаправлены в аэропорты Домодедово и Шереметьево. Все прилетающие и улетающие самолёты во Внуково беспрепятственно выполняют рейсы из соседних аэропортов. Как только ремонтные работы будут завершены, аэропорт Внуково начнёт работать в обычном режиме».

Ведущая перешла к следующим новостям.

— Евгений Петрович, включи-ка зарубежные новости, — сказал президент, и тот тут же включил EuroNews. Там уже трезвонили вовсю: «Террористами был захвачен русский пассажирский самолёт, выполняющий рейс Нью-Йорк — Санкт-Петербург. По данному инциденту российские власти пока никаких комментариев и пояснений не дают. Нам известно только то, что на борту этого рейса находятся сто шестьдесят пассажиров и шесть членов экипажа. Как только появится новая информация, мы сразу вас проинформируем, следите за новостями».

— Да! — тревожно вдохнул и выдохнул президент.

— Со всех сторон давят. Сейчас такую картину нарисуют, отмываться замучаемся, будь они неладны.

Значит так! — обратился президент к секретарю.

— Немедленно сюда министра финансов, моего пресс-секретаря, министра иностранных дел, министра юстиции, срочно!

— Хорошо, — ответила секретарь и побежала в приёмную президента.

— Анатолий Валерьевич, не переживай, всё будет хорошо, ну что, ей богу, у нас подобных ситуаций не было? — тихо говорил Мартынов. — Всё обойдётся, пошумят-пошумят и перестанут.

— Как ты понять не можешь, я переживаю не за политическую карьеру, а за людей, которые на борту этого самолёта, — ответил президент.

— Давай-ка коньячку выпьем, — предложил Мартынов.

— Можно, — ответил президент.

— Не можно, а нужно, — поправил его Мартынов.

Спустя минут сорок раздался стук в дверь.

— Товарищ президент, все прибыли, — сказала секретарь приёмной.

— Хорошо, пускай входят, — ответил президент и отправился на своё рабочие место.

— Здравствуйте! — поздоровался президент.

В ответ все поздоровались.

— Садитесь, пожалуйста.

Все уселись и молча смотрели на него.

— Значит так, объяснять вам всё я не буду, надеюсь, вы знаете всё без меня сами. Ситуация серьёзная и критическая, самое главное, на первом этапе освобождения заложников прошу обратить на это особое внимание. Сидеть и ждать чуда мы не будем, как вы понимаете, их главаря никто им не выдаст. Наша страна не торгуется и не ведёт каких-либо переговоров с террористической организацией ваххабитского направления ислама «Аль-Каида», в любом случае борт восемьсот тридцать четвёртый не должен взлететь, чего бы нам это не стоило. Константин Михайлович, — обратился президент к министру финансов, — вы передали деньги за выкуп заложников?

— Да, конечно, деньги были доставлены директору ФСБ Пороховому, — отвечал министр финансов.

— Хорошо, — ответил президент.

— Денис Александрович, что говорят наши зарубежные коллеги? — спросила Екатерина Семёновна Мошкова, пресс-секретарь президента.

— В ООН предлагают придавать особое значение подписанному в Монреале 4 апреля 2014 года протоколу, изменяющему «Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов». Ужесточить правила полётов воздушных и других судов, организованно бороться с террористическими атаками. Чтобы не оказаться в такой ситуации, как мы.

— Ясно, — усмехнувшись, президент посмотрел на всех и продолжил: — Сейчас будут навязывать всему миру, что мы не способны регулярно бороться с террористами, не можем адекватно отвечать на их действия.

— Это всего лишь пропаганда для средств массовой информации. Что они могут сказать нового мировой общественности? — произнёс министр юстиции Илья Иосифович Абрамов.

— Правильно, — ответил президент.

— Только обычные люди этого не поймут, а потом доказать обратное будет слишком сложно. Константин Михайлович, — обратился президент к министру финансов.

— Запросите у директора федеральной службы безопасности список всех пассажиров и членов экипажа. Проинформируйте родственников всех пассажиров, включая членов экипажа, которые находятся на борту этого самолёта. А также профинансируйте прибытие в Москву всех родных и близких, обеспечьте им проживание, питание и, конечно, медицинскую помощь и поддержку психологов.

— Хорошо, — ответил министр финансов.

— Екатерина Семёновна, — обратился президент к пресс-секретарю, — нужно подготовить информацию о захвате самолёта для опубликования в средствах массовой информации. Мы не можем скрывать всё происходящее, но сделайте это так, чтобы не было паники среди населения, каждое своё слово продумайте, чтобы это не затрагивало государственные интересы и интересы мировой политики.

— Хорошо, я вас поняла, — ответила пресс-секретарь и тут же задала вопрос: — Товарищ президент, что сообщать о пострадавших и, к сожалению, убитых пассажирах?

Президент медленно встал и молча подошёл к окну.

— А вы как думаете? — обратился он ко всем сидящим в кабинете, повернув голову назад и посмотрев на них.

— Молчите? Не знаете? Вот и я не знаю, но я не молчу, — ответил он.

— Ну… я жду предложений, давайте. Или что, мне за всех думать и решать всё одному, — начал немного сердиться президент.

— Зачем нам тогда нужны министры, депутаты, советники, если за всех всё решает сам президент?..

— Может, информировать, но немного косвенно, — предложил Абрамов.

— Как это косвенно? — переспросил президент.

— Мы что здесь в бирюльки играем, а? Илья Иосифович?

Тот, тут же опустив голову, покраснел.

— Значит надо сказать правду, — предложила пресс-секретарь.

— Вы с ума сошли, — тихо сказал министр иностранных дел, — вы знаете, что тогда начнётся? Налетят журналисты, напугают население, а террористам того и надо. Они там тоже не дураки, они этого и ждут, когда общественность узнает о захвате самолёта, где есть пострадавшие. Я уже молчу про убитых. И тогда весь гнев народа обрушится на власти, и граждане будут требовать от нас, чтобы мы выполнили условия террористов, в конце концов, их стратегию не так уж трудно понять.

— Ещё предложения есть? — спросил президент.

— Все замолчали.

— Ясно!

— А я предлагаю сделать следующее, — начал говорить президент.

— Первое: средства массовой информации должны сказать правду о захвате заложников и пострадавших. Второе: нужно сделать это так, — он поднял указательный палец правой руки, — чтобы народ понимал и воспринимал всё

происходящее как общее горе страны, а не горе тех семей, которые пострадают в результате этого теракта. Третье: телевидению и всем средствам массовой информация, включая иностранные, не препятствовать, а наоборот, помогать в их профессиональной деятельности, включая прямую трансляцию и интервью с борта захваченного самолёта. Четвёртое: таким образом, мы проинформируем весь мир, а также всю мировую политику, в том числе наших зарубежных партнёров, что мы не боимся бросать ответный вызов, но и призываем всю мировую общественность бороться с террористическими нападениями. Таким образом, весь мировой и политический гнев падёт на террористов. Как говорится в пословице, у кого правда, тот и прав.

— Так вот: правда за нами!..

А иностранным нашим коллегам не будет никакого повода высказывать своё недовольство в сторону России. Они не скажут потом, что мы скрыли от общества трагедию восемьсот тридцать четвёртого рейса и что мы не боремся с терроризмом.

— Да, они давно мечтают, чтобы мы достали из бочки не мёд, а их чечевицу! — сказал министр финансов.

— Всё правильно, — перебил его президент и посмотрел на него, — это потому что мы им спать не даём.

Раздался стук в дверь кабинета.

— Извините, пожалуйста, за опоздание.

— В кабинет вошёл Генеральный прокурор России Давид Александрович Строгин.

— Проходите, садитесь, — подняв голову, сказал президент. — Как у вас дела? — спросил он.

Генеральный прокурор начал отвечать на поставленный вопрос. Он достал из большой и толстой папки документы и положил их перед собой.

— В отношении террористического деяния возбуждено уголовное дело по следующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. К уголовной ответственности привлечены: Асахара Лабек, 1970 года рождения, уроженец Саудовской Аравии; Патрик Лосо, 1975 года рождения, уроженец Соединённых Штатов Америки; Бандар бон Султан, 1971 года рождения, уроженец Саудовской Аравии — по статье 211 «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава», части четыре, сопряженный с

совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности; по статье 205 «Террористический акт», части два, пункт а) совершённый группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; части три: пункт б) повлёкший умышленное причинение смерти человеку. И по статье 206 «Захват заложника», части два, пункт а) группой лиц по предварительному сговору; в) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья; г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; ж) в отношении двух или более лиц; з) из корыстных побуждений или по найму.

Также Генеральной прокуратурой Российской Федерации направлено письменное требование Генеральному прокурору Соединённых Штатов Америки о проверке на причастность к преступлению сотрудников безопасности Международного аэропорта им. Джона Кеннеди в связи с захватом самолёта, выполняющего рейс Нью-Йорк — Санкт-Петербург. И впоследствии о привлечении причастных лиц к уголовной ответственности за совершённые ими деяния.

Товарищ президент, — продолжил генеральный прокурор, — пресс-служба прокуратуры готова дать соответствующую информацию в связи с сложившимися обстоятельствами в средства массовой информации.

— Очень хорошо, молодцы: вот сразу видно, что люди работают, — похвалил президент.

— Можете быть свободны, но держите меня в курсе всего.

Хорошо, ответили все, попрощались и вышли из кабинета.

Террористы сказали капитану, что хотят говорить с представителем президента. Капитан тут же запросил диспетчера по радиосвязи.

— Я восемьсот тридцать четвёртый, с вами хотят говорить.

— Слушаю вас, — выступил от лица президента Пороховой.

— Мы устали ждать, даём вам ещё пять часов, потом начнём расстреливать заложников каждые тридцать минут! — орал Патрик Лосо.

— Успокойтесь, ваши требования выполняются, вы должны понимать, что Китайская Республика не выдаёт особо опасных преступников.

Его перебил голос Бандара Бон Султана:

— Наш друг и учитель не преступник, твари неверные!

— Хорошо, как только будут новости, мы вас оповестим, — ответил Бетухин.

Террористы затребовали журналистов и телевидение.

— Хорошо, минут через тридцать будут вам СМИ, — ответил Пороховой, и связь оборвалась.

— Нельзя сейчас их игнорировать, — сказала Ольга Николаевна, — пускай думают, что у них всё идёт по плану.

Примерно через тридцать минут к самолёту подъехало телевидение. Телевизионщики поднялись по трапу, их обыскали и посадили в салоне первого класса. И сразу предупредили, что если это не прямой эфир, то их тут же расстреляют.

Когда включили камеры, террористы начали говорить, обращаясь ко всем мусульманам:

— Братья и сёстры, сегодня мы восстанавливаем справедливость, они захватывали наши земли, убивали наших жён и детей, мы боремся с неверными! Если нам суждено погибнуть сегодня, мы сделаем это во имя справедливости. Аллах Акбар! Аллах Акбар! Аллах Акбар! — прокричали они и разошлись по своим местам.

Журналистов и оператора выгнали из самолёта, двери закрыли.

В штаб приехал министр обороны воздушных сил, генерал-майор Сергей Александрович Петренко. Он поздоровался со всеми и спросил:

— Ну что, какие меры приняли?

— Готовимся к штурму, ждём, когда стемнеет. А сейчас мы у них как на ладони, — сказал директор ФСБ Пороховой.

— Хорошо. Как будете штурмовать, какой план? — спросил Петренко.

Бетухин положил план перед Петренко на круглый стол. Тот внимательно на него просмотрел.

— Вам не кажется, что он слишком прост? — спросил он у Бетухина.

— Никак нет. Террористов всего трое. Кроме того, на борту один из наших спецназовцев под видом врача…

— Это очень хорошо, — ответил Петренко и закурил сигарету. Все ждали темноты.

Аня спросила у священника отца Николая:

— Скажите, чем различаются вера в Бога и в Аллаха?

— Ничем, дочь моя. Вера разная, а Бог один.

Когда он произносил «дочь моя», я посмотрел на него и на неё, между ними разница в возрасте была год-два, и я рассмеялся.

Я сидел в салоне и долго рассматривал людей, сидящих в креслах и слушавших проповедь отца Николая. Кого только не было: и врачи, и фокусник, и даже дворник — им оказался дядя Иван, которого террорист ударил по голове. Он сидел во втором классе.

— А Вы, Валентин, как думаете, когда всё это закончится? — спросила меня Аня.

— Не знаю, — ответил я и тут же предложил перейти на «ты». Аня сразу согласилась.

— Всё-таки тебе нужно жениться, — сказала Аня, а я посмотрел на её лицо. Она была красива и молода, её светлые волосы переливались в лучах солнца. Бездонные голубые глаза были наивны и беспощадно сбивали меня с мысли.

— Ну да, надо! Вот сперва выберемся отсюда, а потом я обязательно женюсь, может быть, даже на тебе, — сказал я шутя.

Она громко рассмеялась.

— Ага, вошли в самолёт без папы, а вышли уже с папой? Спасибо террористам, хоть одно доброе дело сделали: соединили семью, нашли нам папу.

Тут же в наш разговор влез священник:

— Дети мои, я вас благословлю, приходите ко мне на венчание.

Одним словом, нас уже поженили. Но нам это понравилось, исходя из того, что каждая минута могла оказаться последней в нашей жизни. Я повернулся к священнику и ответил, давайте сперва сначала выйдем все отсюда, а потом все к вам придём. На всё воля божья, ответил он и начал читать «Отче наш». Я эту молитву не знал, слышать слышал, но учить не учил. За время, пока священник был с нами, я её выучил наизусть, словно «В лесу родилась ёлочка». Но у людей

была хоть одна надежда — молиться со священником и просить прощения и милости у Господа Бога.

Приближалась ночь, врач Андрей немного нервничал, он пересел ближе к окошку, сказав, что хочет полюбоваться ночным небом. В салоне потушили свет и включили фильм, комедию, но никто не смеялся.

Прожектора спецмашин освещали самолёт. Андрей внимательно смотрел в сторону диспетчерской башни.

— Андрей, о чём вы думаете? — спросил я его.

— О России, — ответил он.

— Тяжёлая у неё судьба, сколько воин выиграли, а эту опухоль вырезать не можем.

— Ну да, ну да, — отвечал я.

— А как её вырежешь, каким способом? Это партизанская война: бьют в спину, невзирая ни на что.

— Знаешь, Валентин, — обратился он ко мне.

— Я тебе скажу своё мнение, хочешь?

— Интересно, — ответил я.

— Вот смотри. США, куда бы ни пришли, развязывают войну, просто бессмысленную на Востоке, повоюют там, им зад надерут, и они убегают. А люди становятся злее, вот поэтому у них там постоянные теракты. Вот они пришли в Афганистан, нагадили там и убежали. Пришли в Ирак, то же самое: нагадили и убежали. А весь мир потом отдувается за них. Вот заметьте, Валентин, и эти: они же прилетели не с Востока, а из Штатов.

— И что делать? — спросил я.

— Вот именно, Валентин. Никто не знает.

— Андрей, а вы давно врачом работаете? — спросил я.

— Да, друг, давно, — ответил он.

— А у вас родители кто по специальности, если не секрет? — полюбопытствовала Аня.

— Да нет, Аня, не секрет! Мой папа хирург, мама была кардиолог.

— Почему была, сейчас на пенсии? — спросил я.

— Нет, Валентин, она умерла два года назад.

— Прости, я…

Он перебил:

— Да ничего, всё в порядке, детям свойственно терять своих родителей. А вот когда родители теряют детей — это и есть трагедия не только для них, но и для общества, — ответил он.

— Да, это точно, — тревожно произнесла Аня.

— Аня, а у вас родители живы? — спросил Андрей.

— Да, слава богу.

— А кто они по специальности? — спросил я.

— Мама двадцать пять лет отработала на фабрике.

— На какой? — спросил Андрей.

— На конфетной, — улыбаясь, покачала головой Аня.

— А, ну теперь понятно, почему ты выглядишь как конфетка, — бросил комплимент парень из соседнего ряда.

— Спасибо, — ответила она.

— А папа?

— Папа — строитель, много домов построил.

— Да… — тихо проговорил отец Николай, сидевший сзади. — А всё это вместе называется: мы делаем одно доброе дело. Когда я, — продолжил нашу беседу отец Николай, — поступал в Московскую духовную семинарию, мне тогда было восемнадцать лет. Как помню, меня всё в армию хотели забрать, а законы были другими, коммунисты вроде и не запрещали деятельность церквей, но и не приветствовали, не помогали. Выживали церкви как могли. Сколько гонений было на священнослужителей! А сколько расстреляли! Сколько в тюрьмах погибло при сталинском режиме? Господи, спаси и помилуй наши души грешные, — перекрестился он три раза.

— Так вот! Я окончил школу с отличием, был на хорошем счету, комсомольцем. Но когда принял сан, меня тут же всего лишили. И мою матушку, и отца вежливо попросили написать заявления по собственному желанию. Их тут же выгнали из партии, а они были преданные партии коммунисты. Отец мой, Царство ему небесное, он был железнодорожником, всю войну прошёл, восстанавливал железнодорожные пути, всякое бывало, и под бомбёжками был ранен.

Под Сталинградом был награждён орденом Мужества, под Латвией получил орден Красной Звезды. Матушка моя служила медсестрой, тоже была награждена медалями. Но где-то под Киевом её брат попал в плен, и их объявили семьёй врага народа. Конечно, паёк сократили и медали забрали. Мама упала от голода возле вагона, там отец её подобрал, накормил, так они и познакомились.

В самолёте наступила такая тишина, все слушали отца Николая.

— Продолжайте, батюшка, — крикнул кто-то из пассажиров.

Отец Николай глубоко вздохнул и продолжил:

— Когда я учился в духовной семинарии, мне рассказывал старый священник, мудрый и добрый был человек. Его отец был священнослужителем где-то под Омском. А матушка его была при церкви, их было восемь человек в семье: пять братьев и одна сестра. Когда начались гонения на церковь, в 1939 году их отца скинули с колокольни, матушку зарубили, а братьев и сестру отправили в лагеря, где они и погибли, остался он один. Не зря называется Российская держава, а слово держава строится на бедах и крови людской. Могу сказать одно: пока стоят на Руси храмы божьи, да будет сердце биться нынешней России. А не будет храмов божьих, вмиг не станет и России нашей.

Народ её силён, всё выдержит: и беды, и войны, но только с божьей помощью. Давайте все вместе встанем и помолимся Господу нашему, пусть милость его сойдёт на нас. И вразумит и поставит нас на путь праведный.

В ту же секунду все встали и начали молиться, кто как умел.

В штабе полным ходом шла разработка плана по захвату самолёта и освобождению заложников. Практически всё было готово к захвату, ждали сигнала из Кремля.

Петренко докладывал президенту:

— Товарищ президент, всё готово для выполнения операции, ждём вашего приказа.

Президент понимал, либо сейчас, либо будет поздно.

— Как вы хотите осуществлять захват самолёта по освобождению заложников?

Отвечал Бетухин:

— Отряд спецназа войдёт в багажный отсек и оттуда прорвётся внутрь самолёта, распыляя сильнодействующий сонный газ. А второй отряд будет атаковать снаружи, чтобы террористы не смогли быстро понять, что происходит.

— Каковы могут быть жертвы среди заложников? — спросил президент.

— Не более двадцати пяти человек, товарищ президент, — отвечал директор Федеральной службы безопасности Пороховой.

Президент немного помолчал, потом сказал:

— Хорошо, действуйте, но желательно как можно меньше жертв среди заложников. Не забывайте, что там также есть иностранцы. Нам сейчас мирового скандала ещё не хватало.

— Хорошо, товарищ президент, мы вас поняли.

— Раздались короткие гудки.

— Давайте ещё раз всё взвесим, — сказала Ольга Николаевна Простых, представитель президента.

— Товарищ Петренко, у вас всё готово?

— Да, — ответил он.

— А у вас, Олег Николаевич?

— Тоже всё готово, — отвечал он.

— Ну, тогда с богом, — сказала она и перекрестилась три раза.

ОСВОБОЖДЕНИЕ САМОЛЁТА

На улице стояла гробовая тишина, в тёмном небе хорошо можно было видеть пролетающие спутники и мерцающие время от времени звёзды. В салоне было тихо, практически все спали. Аня уснула, положив голову на моё плечо. Я долго

пытался уснуть, но у меня не получалась по одной простой причине. Храп отца Николая, казалось мне, должны были слышать как минимум в аэропорту. Дед Иван терпел, терпел, потом выкрикнул:

— Да закройте ему рот чем-нибудь, он так своим храпом всех святых на небе распугает, а что говорить про нас?

Одна женщина не вытерпела, подошла к отцу Николаю и повернула его в противоположную сторону. О чудо! В салоне, наконец, образовалось тишина, и все, кто хотел спать, уснули. Террористы разделились, Чебурашка пошёл спать куда-то в конце салона. Второй всё время смотрел в сторону аэропорта, третий сидел в кабине, контролируя, чтобы пилоты не связались с диспетчером и не передали никаких сообщений.

В кабине командир позволил себе поспать около часа, так же как и бортинженер Вячеслав Тихов. Командир проснулся от шороха, повернул голову: бортинженер ещё спал. Он встал и пошёл в тамбур, по пути подошёл к стюардессе. Наталья Кузьмина сидела в отчаянии и, тихо вытирая слёзы, молилась.

— Дочка, поспи немного, брось плакать, — сказал ей командир экипажа и улыбнулся. Она бросилась к нему и крепко его обняла.

— Когда кончится весь этот кошмар, Дмитрий Иванович? — прошептала она.

— Потерпи, девочка, знаю, вам тяжело, все устали, но мы с тобой должны держаться как никогда, и девочкам так же скажи. Хотя ладно, я сам скажу. А ты сделай нам кофейку.

— Кофейку? — вытирая слёзы, удивлённо переспросила Наташа.

— Да, кофейку, да покрепче, — сказал капитан и пошёл в салон.

В первом классе спали, прижавшись друг к другу, Ольга Милаева и Оксана Лебедь. Они были так молоды и красивы, им досталась тяжёлая участь, подумал командир. Он достал плед, накрыл их и сразу направился в салон к пассажирам. Он посмотрел, что все спят, потом увидел меня.

— Ну, как вы? — спросил командир.

— Как-как, как и везде, — ответил я.

Он улыбнулся: «Молодец». И похлопал меня по плечу. Потом он подошёл к Андрею, врачу, и присел около него.

— Дмитрий Иванович, — обратился Андрей к нему.

— Я думаю, скоро начнётся, — произнёс он шёпотом.

— Когда услышите хлопки, сразу ложитесь на пол и не поднимайтесь, пока вам не скажут.

Дмитрий Иванович посмотрел на него и ответил:

— Да знаю я, мне уже шестьдесят лет, из них тридцать пять в небе. За свою жизнь столько увидел, что меня трудно чем-то удивить или напугать. За всю мою лётную жизнь это второй случай с захватом самолёта. Первый был в 1999 году, мы летели из Москвы в Таиланд. Там ситуация была хуже, думали всё, конец, но всё, слава богу, обошлось.

В телевизор как ни посмотришь или по радиосвязи услышишь: опять захватили самолёт, или разбился по непонятным причинам. Сколько раз себе говорил, всё, хватит, это мой последний полёт. И вновь я здесь: небо — это моя жизнь…

Они говорили минут десять. Затем Дмитрий Иванович вернулся в кабину, на своё место.

— Дмитрий Иванович, ваш кофе, — прошептала Наталья Кузьмина, — и вам, Вячеслав, — она протянула чашку ароматного кофе.

— Вам, может, пирожное принести? — спросила Наташа.

— Спасибо, Наташа, не надо, не время есть пирожное, — ответил ей бортинженер Вячеслав Тихов.

— Но вы совсем ничего не кушали, — продолжала настаивать Наташа.

Командир посмотрел на неё:

— Ты вот что: налей себе кофе, возьми одно пирожное и ступай к нам, вместе посидим, чего тебе одной там сидеть.

— Хорошо, — ответила она.

Террорист Асахара Лабек, который находился в кабине, дремал, но периодически открывал глаза при первом шорохе. Наташа вошла в кабину.

— Садись на место второго пилота.

У Наташи затряслись руки.

— Наташа, мы это уже обсуждали, пей кофе и кушай пирожное, — сказал командир.

— Эх, сейчас бы куриных потрошков, а, командир? — тихо проговорил бортинженер.

— Не… щей наваристых со сметаной, да коньячку, вот это дело, — ответил командир.

— А ты, Наташа, чего бы сейчас поела? — спросил командир.

— Не знаю, наверное, омлет с колбасой и сыром, — ответила она и засмеялась.

— А я сейчас покушал бы мясо, жаренное по-арабски, — сказал Асахар Лабек.

— Очень вкусно, — продолжил он.

— Туда кладут говядина вырезка, тонкий или толстый край, сок лимонный, лимонную кислоту, лук зеленый, зелень, перец черный молотый, соль по вкусу, жир животный.

«Хорошо, что не человеческий», — подумал командир, и все посмотрели на Асахара Лабека.

— Ну да, ну да, война войной, а кушать хочется всегда, — проговорил бортинженер Вячеслав Тихов.

— Что вы намерены делать дальше? — тихо спросил командир Асахара Лабека.

— Нам не нужна лишняя кровь, — отвечал он.

— Нам надо, чтобы выполняли все наши условия и всё! И вы вернётесь все к своим семьям.

— Скажи, ты здесь за старшего? — спросил командир.

— Да! — ответил Асахар Лабек.

— Отпусти беременных женщин, их всего трое, и престарелых людей, их там около восьми. Ты пойми, им станет очень плохо, чем мы им тут поможем? — сказал командир.

— Здесь в самолёте есть врач, — отвечал Асахар Лабек.

— Согласен, — сказал Вячеслав Тихов, — только врач не Господь Бог, чудеса творить не умеет.

— А если кому-то из них рожать приспичит, ты роды принимать будешь? — спросил командир.

— Или сердечный приступ начнётся, что тогда нам делать? Ты их сам видел, иди, посмотри, они еле дышат, отпусти их. У тебя народу больше чем надо, от десяти человек ничего не убудет.

— Я подумаю, — ответил он.

— Наташа, налей-ка ты нашему гостю кофейку, да пирожное дай, если есть, — скомандовал командир.

— Как кофейку? Как пирожное? — заикаясь, спросила Наташа.

— Ну как-как, берёшь чашку, наливаешь туда кофе и подаёшь.

Наташа встала и направилась в тамбур, в так называемую кухню. Через пару минут Наташа подала кофе террористу и вернулась в кресло второго пилота.

— Очень вкусное кофе, — произнёс Асахар Лабек.

«Чтоб ты подавился», — подумала Наташа, отвернув лицо к окну.

Спецназ был готов к штурму, но появилось непредвиденное обстоятельство. Террористы затребовали убрать трап, это был практически срыв всей операции, так как вторая группа должна была штурмовать снаружи, а первая изнутри. Таким образом вторая группа поддерживала отвлекающим маневром первую.

— Что будем делать? — спросила Ольга Николаевна Простых.

Все покачали головами.

— Отменять операцию — значит провалить всё дело, — сказал Пороховой.

— Нужно что-то придумать, а что? Не знаю!

В это время группа захвата была уже на позициях, ждали приказа.

— Ты знаешь, Антон, я сегодня должен быть дома. Сегодня ведь день рождения, — тихо произнёс Володя, один из спецназовцев.

— У кого, у тебя? — перебил его Андрей, второй спецназовец.

— Да нет, у дочки!

— И сколько ей стукнуло?

— Пять лет. Совсем взрослая стала, умная и красивая, как её мама, — отвечал Володя.

— Который год собираюсь на море их свозить, никак отпуск не дают. Вот и сегодня я должен быть с ними, а я здесь, чёрт знает чем занимаюсь, — говорил тревожно Володя.

— Что значит, чёрт знает чем занимаешься? — перебил его командир отряда Василий Лушаков.

— Ты выполняешь мужскую работу, а наши женщины должны гордиться нами, что у них такие мужья, отцы, дети. Если не мы, то кто?

— Так точно, товарищ командир, — ответил Володя.

— Вот вернёмся с боевого задания, все вместе пойдём к тебе дочку поздравлять, если ты не против, — произнёс командир.

— Никак нет, товарищ командир, — немного радостнее ответил Володя.

— А вы, товарищ, командир, когда женитесь? — спросил его Антон.

— Не знаю. Как только, так сразу.

— Что, не искали и не пробовали?

Командир немного помолчал.

— Была у меня жена, много лет назад, — грустно произнёс командир.

— И что, разошлись?

— Да нет!

А что случилась? — спросил Антон.

— Погибла, — ответил Василий Лушаков. Его сердце обливалось кровью.

— Как же так, товарищ командир? — спросил Володя.

— Она возвращалась домой с репетиции, скрипачка она у меня была. Уже было поздно, поздний тёмный вечер. Шла она по тропинке к дому, двое уродов шли ей навстречу. В общем, изнасиловали они её и убили! А она была на третьем месяце беременности. Вот так и не стало у меня ни жены, ни родившегося ребёнка. Тогда я дал клятву: буду бить отморозков вроде этих, которые сейчас в самолёте, чтобы жизнь другим не портили. Так что мы здесь для того, чтобы

наши жёны, матери, отцы, дети могли завтра проснуться спокойно и радоваться жизни.

— Простите, товарищ командир, — произнёс тихо Антон.

— Да ничего, всё в порядке.

— Что-то приказа долго нету, что сидим-то? — спросил спецназовец Валерий.

— Пока не знаю, — ответил командир.

— Сокол, Сокол, я Дрозд. Находимся на заданной точке, готовы к выполнению операции.

— Дрозд, Дрозд, слышу вас, ждите приказа.

— Что-то не так там, Буран, Буран, это Дрозд, ответь!

— Слушаю тебя, Дрозд.

— Что сидим, почему не штурмуем? — спрашивал командир Василий Лушаков командира второго подразделения Петра Колесникова.

— Террористы потребовали убрать трап, мы не можем подойти к самолёту. Мы сейчас под ним, а нам надо на него. А без трапа нам на него не попасть, сам понимаешь, летать мы ещё не умеем. Так что штурмовать придется вам одним.

— Вот чёрт, — произнёс один из спецназовцев.

— Как же так, товарищ командир. Мы только через багажный салон начнём влезать, нас как куропаток пощёлкают. Они там, что, блинов объелись? — произнёс Володя.

— Отставить панику, ждём, — ответил командир.

Спустя несколько часов, когда все проснулись, к нам вновь вышел капитан самолёта. Его лицо было неузнаваемым: сонным и уставшим, под глазами большие мешки, и, видимо, высокое давление.

— Как вы здесь? — обратился он к салону.

— Не то чтобы хорошо, но держимся как можем!

— Молодцы, вы настоящие герои! — Он развернулся и ушёл в кабину.

— Как же его жалко, боже мой, — сказала Аня и заплакала.

— Не надо, Аня, всё будет хорошо! — начал её успокаивать Андрей.

Глядя на Аню, начали плакать многие женщины. На это было тяжело смотреть. В ту же минуту встал отец Николай и начал читать молитву, к нему присоединился весь салон. Таким образом он старался помочь испуганным и уставшим людям.

Вбежал террорист Асахара Лабек:

— Замолчите! — крикнул он, подбежал к священнику и ударил его кулаком по лицу. У отца Николая пошла кровь из носа. К нему тут же подбежала стюардесса и дала носовой платочек.

— Зачем вы это делаете, он же священник! — выкрикнула она.

— Как вам не стыдно, вы люди или кто, — возмущалась она, понимая, что её может ждать такая же участь.

— Спасибо, дочь моя, — сказал отец Николай.

— Они не ведают, что творят.

Когда Аня успокоилась, фокусник начал показывать нам разные интересные фокусы. Конечно, фокус это иллюзия, обман, но как прекрасно было смотреть, как тебя обманывают. Фокусника звали Олег Заборский. Когда он спросил, есть ли желающие попробовать себя, тут же все подняли руки. Он подошёл к одной женщине:

— Назовите любое число от шести до десяти.

— Ну семь!

— Теперь масть.

— Пики.

— Возьмите эту колоду карт и перетасуйте очень хорошо.

Женщина, смеясь, тасовала колоду карт, после чего фокусник сказал ей:

— А теперь возьмите верхнюю карту и покажите всем.

Она взяла карту и показала, там оказалась семёрка пик. Все были в недоумении, как это произошло, фокусник к картам не притрагивался, но карта была именно та.

Затем он надул воздушный шарик.

— Помогите, пожалуйста, — обратился он к женщине, сидевшей возле него.

— Возьмите эту верёвку и завяжите крепко, чтобы он не сдулся.

Женщина затянула на несколько узлов, фокусник взял шарик.

— Дайте любую монету, — сказал он.

Мужчина достал из кармана монетку в пять рублей.

— Держите, пожалуйста, шарик, — продолжал фокусник.

Мужчина крепко взял шарик и держал прямо перед ним метрах в пяти.

— Скажите, вы верите в чудеса? — спросил он у пассажиров.

Все помотали головами.

— Возьмите монету и подпишите её, — подал он монету женщине. Она подписала и вернула назад. Он совершено спокойно взял монету и кинул её в шарик, мгновение… и монета оказалась внутри воздушного шарика! Весь салон радостно, но тихо зааплодировал, казалось, настроение у всех поднимается.

Так радостно мы проводили ужасное для нас время.

В кабине пилота были слышны громкие крики, кричал Патрик Лосо на Сахара Лабека.

— Они нас водят за нос, ты что, не понимаешь? Они готовят штурм.

— Но деньги они отдали, — отвечал Сахара Лабек.

— Деньги… Ты сперва взлети с ними!

— И что ты предлагаешь?

— Надо связаться с их руководством и ужесточить наше требование, — кричал Патрик Лосо.

— Давай соединяй со своим начальством! — орали они на капитана.

— Хорошо, хорошо, только успокойтесь! — отвечал им капитан самолёта.

— Вы решили с нами шутить?! — кричал Патрик Лосо с сильным акцентом.

— Ну что же, вы сами этого захотели, — и крикнул что-то на своём языке Чебурашке. Тот зашёл в салон, схватил женщину лет тридцати пяти, сидевшую в

первом ряду, и привёл. Было слышно, как открылись двери, раздался страшный крик. Они сбросили её с борта самолёта вниз на асфальт. Высота была не менее шести метров. Женщина рухнула камнем вниз, это было равносильно тому, что упасть с крыши трёхэтажного дома. К счастью, женщина осталась жива. Вот и первая удача, именно там и находилось подразделение Василия Лушакова, команда спецназа. Ребята оттащили её под самолёт и начали оказывать ей первую помощь. У неё было сломано левое бедро, вывих левой руки, сотрясение головного мозга и болевой шок. Теперь у них был взрослый свидетель, который мог в точности описать ситуацию, происходящую на борту самолёта. Её немедленно передали врачам скорой помощи, а затем под наблюдением врачей доставили в штаб. Женщиной оказалась тридцатисемилетняя Марина Александровна Изольская из города Томска. Учитель музыки начальных классов, мать шестерых детей.

Террористы продолжили переговоры с со штабом.

— Если в течение двух часов наши условия не будут выполнены, мы будем убивать по три заложника каждые тридцать минут, вам ясно?! — орал Патрик Лосо.

— Успокойтесь, пожалуйста, — говорил Пороховой.

— Мы вас отлично поняли. Мы сделаем всё, как вы просите, только не трогайте больше заложников.

— У вас время пошло, — крикнул террорист и отключился от связи.

Террористы отключили свет в салоне, на нас опустилась чёрная и страшная мгла, из которой не было выхода. Нам опять приказали молчать, за неповиновение мы будем убивать по одному человеку, сказал Чебурашка. Сразу наступила гробовая тишина, перепуганные и уставшие люди сидели молча и ждали своей участи, которой никто не знал.

Врач Андрей пересел на первое сиденье и внимательно слушал все разговоры террористов. Я потихоньку подкрался к Андрею и сел около него.

— Андрей у меня есть одна мысль. А если их усыпить, как думаешь?

Андрей посмотрел на меня немного удивлённо.

— Это как? — спросил он.

— Ну вот, смотри, например, в еду или воду можно добавить им снотворное, спустя некоторое время они уснут, учитывая, что они спят рывками, в конце концов, они люди, а не железо.

— Валентин, — обратился он ко мне, — тебе не журналистом надо работать, а самое малое психологом. Только есть проблемы.

— Какие? — спросил я.

— Первая: где мы возьмём снотворное? Вторая: как мы добавим его им, допустим, в воду? Валентин, — прошептал Андрей, — план отличный, только здесь он не сработает, это нужно, чтобы сделали там в штабе, а у нас нет связи.

— А если через кабину пилотов? — предложил я.

Он показал пальцем в их сторону, там постоянно сидел один террорист, и я понял, что мой план не сработает. Разочарованный, я вернулся на своё место.

В штабе после последнего разговора с террористами стало ясно: переговоров больше не будет, как и времени. В кабинет постучался майор.

— Разрешите?

— Да, входите, — ответил Пороховой.

— Привезли заложницу.

— Где она? — спросила Ольга Николаевна Простых.

— В фойе ожидает.

— Она сможет отвечать на вопросы, учитывая её состояние?

— Думаю, да… Другого выхода у нас просто нет.

— Хорошо, пригласите её сюда.

— Здравствуйте, Марина Александровна, — поздоровалась Ольга Николаевна.

— Простите, что мы вас тревожим, мы понимаем, вам очень плохо, вы травмированы, но у нас нет другого выхода. Потому что кроме вас никто не знает, что и где на борту этого самолёта.

— Да, я всё понимаю! — ответила Марина Александровна.

— Это директор Федеральной службы безопасности Пороховой Михаил Петрович, Олег Николаевич Бетухин, министр внутренних дел, Петренко Сергей Александрович, министр воздушной обороны Российской Федерации.

— Очень приятно, — ответила Марина Александровна.

— Скажите, сколько на борту террористов? — спросил Бетухин.

— Вроде трое, — отвечала она.

— Нам не надо «вроде». Нам надо знать точно! Сколько их, и где они находятся?

— Я знаю точно, что один постоянно ходит по салону, второй находится в кабине.

— А третий где? — спросила Ольга Николаевна.

— Я, правда, не знаю, где третий, — сильно волнуясь, отвечала Марина Александровна.

— Может, воды выпьете? — предложил Олег Николаевич Бетухин. — Для вас уже всё позади.

— Да, пожалуйста, если можно, — ответила Марина Александровна тихим и дрожащим голосом.

Ольга Николаевна подала ей стакан воды.

— Марина Александровна, посмотрите, пожалуйста, сюда, — Ольга Николаевна протянула ей фото незнакомых людей.

— Кто-нибудь из них есть на борту самолёта? Смотрите внимательно, это очень важно.

Там было около двадцати фотографий. Марина Александровна смотрела, вглядываясь в лица незнакомых мужчин.

— Нет, этого нет, этого нет, этого тоже нет.

— Когда дошла до шестого, её взгляд и лицо моментально изменились. У неё началась истерика, прибежали врачи, сделали успокоительный укол.

— Когда мы сможем продолжить? — спросил Петренко у врачей.

— Думаю, минут через двадцать она будет в порядке, — ответил врач.

— Итак, одного она узнала, это уже лучше. Мы знаем, что один террорист находится постоянно в кабине, второй ходит по салону, вопрос, а где тогда третий? — произнёс Пороховой.

— Вот именно, это загадка.

В кабинет вернулась Марина Александровна.

— Вам как, лучше? — спросила Ольга Николаевна.

— Да спасибо.

— Марина Александровна, нам нужно продолжить, вы готовы? — спросила Ольга Николаевна Простых.

— Да, конечно!

Ей протянули оставшиеся фото.

— Нет, этого нет. Да, вот этот, он ходит по салону!

— Так, так, — произнёс Петренко.

— Дальше?..

— Этот вышел из кабины, когда меня скинули вниз. И вот этот, который сидел между кабиной и салоном.

— Ясно, сказал Петренко, — вот и третий.

Но когда она взяла последнюю фотографию, для всех был шок.

— Он тоже там есть.

— Кто?

— Вот этот мужчина!

— Вы уверены?

— Да! Я его хорошо запомнила, он сидит в шестом ряду справа и всё время молчит.

Все были в шоке.

— Спасибо, Марина Александровна, вы нам очень помогли, — сказала Ольга Николаевна и пожала ей руку. Они попрощались.

— Мать их за ногу, не может быть, их получается не трое, а четверо! Насколько мы знаем, один находится в салоне в качестве пассажира. Так сколько же их там, — отчаянно закричал Бетухин.

— Немедленно передайте командиру группы захвата, что на борту террористов намного больше, чем мы ожидали. Что они находятся в салоне, маскируются под заложников, — сказал Петренко.

Командир спецподразделения майор Ковальчук вышел из кабинета и связался с группой.

— Дрозд, Дрозд, я Первый, ответьте.

— Слушаю тебя, Первый, — отвечал командир первого отряда, майор Василий Лушаков.

— На борту террористов намного больше.

— Это точная информация? — спросил Василий Лушаков.

— Да, самая достоверная.

— Почему не штурмуем?

— Ждите приказа.

— Вас понял, конец связи.

Ковальчук вернулся в кабинет.

— Разрешите?

— Да, заходи! Передали, что точно. Теперь ещё одна проблема, — сказал Пороховой.

— Какая? — спросил Петренко.

— На борту находится наш сотрудник под видом врача.

— Ну да, и что?

— Да то! Он не знает, что на борту террористов намного больше, быть может, он рядом с ним сидит. И при штурме он начнёт свою работу, а вот и они, теперь понимаете? И что делать?

— Надо его как-то предупредить, — сказала Ольга Николаевна.

— Ну да, а как? — тревожно спросил Петренко.

— Нужно связаться с командиром экипажа и через него потихоньку передать.

— А что, это мысль хорошая, — сказал Бетухин.

— Так и сделаем! А капитан пройдёт по салону и подаст сигнал.

Время было уже за полночь, в кабине пилотов капитану тихо передали:

— 834-й, это диспетчер, у вас на борту намного больше террористов, ваша задача предупредить об этом врача и подать нам сигнал о том, что он предупреждён. Включите и выключите свет в салоне.

Капитан не подал виду, что ему было сообщение, встал и пошёл по салону под видом проверки состояния пассажиров. Проходя по маленькому проходу, где не было света, а только падал небольшой луч со стороны кабины, капитан заметил врача.

— Извините, вы не могли бы измерить мне давление? Плохо себя чувствую.

— Да, конечно.

Террорист не возражал.

Когда они проходили через небольшой проём, капитан успел сказать врачу, что на борту больше террористов, они среди пассажиров, информация из Центра.

— Вас понял, спасибо.

Врач измерил капитану давление, сказал ему: «Вам нужно немного поспать и всё будет хорошо!» и вернулся в салон.

Капитан включил громкую связь и обратился к пассажирам:

— Говорит капитан экипажа. Если у кого-нибудь есть таблетки от давления, дайте, пожалуйста, я сейчас приду.

— Капитан вышел в тамбур и включил свет, зашёл в салон, пожилая женщина протянула ему одну таблетку.

— Держись, сынок.

— Спасибо, — сказал командир и вернулся в кабину. Сигнал был подан.

В кабинет вошёл майор.

— Товарищ министр обороны, разрешите доложить?

— Докладывайте.

— Только что подан световой сигнал с самолёта.

— Ясно! Значит, ваш человек в курсе? — спросил Бетухин.

— Так точно.

— Ну что, быть или не быть, отдавайте приказ на штурм.

Майор подошёл к рации:

— Внимание, говорит Первый. Всем на изготовку, снайперам занять боевые позиции. Отрядам приготовиться к штурму, о готовности доложить.

— Я Сокол, — отвечал снайпер, — я готов!

— Я Буран, готов.

— Дрозд, Дрозд, я Первый, как слышите? Приём.

— Слышу вас, Первый!

— Начинайте штурм.

— Вас понял, начинаем штурм.

«Удачи вам, ребята», — прошептала про себя Ольга Николаевна Простых.

Красная кнопка была нажата…

ШТУРМ

— Ну что, ребята, готовы? — спросил командир Василий Лушаков.

— Так точно!

— Ну тогда пошли. Антон, багажный отсек!

— Понял, командир!

Антон повернул рычаг, дверь багажного отсека открылась. На панели в кабине загорелся датчик, информирующий, что дверь багажного отсека открыта. Это был сигнал командиру экипажа о том, что начался штурм самолёта. Командир,

сообразив, отключил датчик, чтобы он не пищал и не привлекал внимание террористов.

— Валера, Антон — справа. Володя, Серёжа — слева. Олег и я замыкающие.

— Есть, командир! — ответили ребята.

— Огонь без команды не открывать, осмотреть багажный отсек на предмет взрывчатки, быть максимально внимательными.

— Ребята, смотрите, — шёпотом произнёс Сергей, — какая красивая картина! Полуголая женщина, прямо как живая, ей богу.

— Хорошо, что не резиновая, — проговорил Антон, — а то ты здесь надолго задержался бы.

— Эх, пацаны, жрать хочется, — сказал Володя.

— Да у тебя постоянно: как только задание, тебя на хавчик пробивает, — ответил Сергей.

— У него, как у хорошего солдата, всегда перед боем понос, — усмехнулся Антон.

— Ага, сейчас тебя накормят минут через пять свинцом, — ответил Олег.

— И компоту вдобавок дадут, чтобы сушняк не бил.

— Все тихо засмеялись.

— Отставить юмор, — прошептал командир.

— Есть отставить юмор.

— Осматриваем подозрительные чемоданы, сумки, футляры.

— Как же их здесь все осмотришь, тут же темно как у негра в заднице? — проговорил Олег.

— А очки ночного видения у тебя для чего? — спросил Валера.

— Чтобы женщин разглядывать, — прошептал Сергей.

— Детский сад… — усмехнулся командир.

— Командир, люк, который ведёт в салон, вижу.

— Ох и везёт тебе на люки, Антох. Пацаны, помните «Норд-Ост»? Когда Антон прыгнул в вентиляционный люк?

— Разве такое забудешь? — прошептал Володя.

— Его вместе с люком тогда оттуда выдёргивали.

— Отставить юмор, я сказал!

Все замолчали.

— Володя, камеру наблюдения давай, быстрее, чего ты там еле копаешься? — Володя подал камеру, командир просунул камеру через отверстие люка.

— Ни черта не видно, — прошептал Антон.

— Что будем делать?

— Открывать люк, — ответил командир.

— А если террорист над нами? Это называется, нас не звали, а мы уже пришли, — пошутил Сергей.

— Значит так! Сейчас открываем люк, а там будь что будет, обратного хода для нас нет! Только вперёд, — прошептал командир.

— Володя, приготовь баллон с газом!

— Есть!

— Олег, световую гранату на всякий случай.

— Понял, командир.

— Сергей, Валера, оружие на изготовку!

— Есть, товарищ командир.

— С богом! — произнёс Василий Лушаков и аккуратно откинул люк. — Олег, Сергей — правая сторона, я, и Володя — левая сторона, Антон, Валера прикрываете сзади, и не забудьте, в салоне среди пассажиров террорист. Снимайте их сразу, как только они нас заметят.

— Поняли, командир, — ответили Валера и Антон.

— Вперёд! — скомандовал Василий Лушаков.

Они вошли внутрь самолёта. В салоне была отвратительная атмосфера, воняло потам, носками, одним словом, специфический запах. Через несколько секунд они были в хвостовой части самолёта. В хвосте самолёта сидели заложники. Когда мужчины увидели спецназ, они растерялись и не знали, что им делать. Антон маякнул им автоматом сверху вниз, и они улеглись на пол.

— Вижу провод прямо по периметру салона, — прошептал Сергей.

— Что за провод? — спросил Володя?

— Не знаю, наверное, взрывчатка.

— Нам этого сейчас и не хватало, — прошептал Валера.

— Интересно, у кого детонатор от взрывчатки? Пацаны, если мы его не найдём, мы все останемся здесь. Только начнём стрелять, он приведёт её в действие, и всё!

— Где и как нам его найти? — отвечал Антон.

Раздался приказ:

— Отходим назад, в тамбур хвостового отсека, — скомандовал Лушаков.

Они вернулись.

— Серёжа — справа, Володя — левая сторона, смотрите за проходами.

— Есть, — ответили они и взяли под прицел проходы.

— Олег!

— Я, — ответил он.

— Раздевайся!

— Не понял, командир?

— Раздевайся, говорю!

— Как раздеваться?

— До трусов, — ответил командир.

— Зачем? — в недоумении переспросил Олег.

— Надо!

— Командир, ты никак его на пляж отправлять собрался, вроде поздновато, на дворе осень, — прошептал Валера.

— Придурок, — ответил Олег.

Командир подполз к одному из заложников:

— Раздевайся!

Володя со смехом прошептал:

— Командир сейчас, ей богу, сватать их будет.

— Все, кроме Олега, не выдержали и тихо засмеялись.

— Надевай одежду, — приказал командир Олегу, — пойдёшь в салон второго класса под видом пассажира. Типа по нужде, понял?

— Так точно, — ответил Олег.

Командир обратился к заложникам:

— У вас драгоценности есть?

— Какие? — спросили они.

— Золото, брильянты?

— У меня есть, — ответил один заложник.

— Что у вас?

— Цепь, вес около пятнадцати граммов.

— Хорошо, давайте.

Ещё один заложник прошептал:

— У меня есть перстень!

— Давайте, — ответил Лушаков.

— Олег, когда пойдёшь, смотри, куда тянется провод, где детонатор?

— Ясно, командир.

— Будь особо внимателен, на пассажиров смотри в оба, да пистолет положи сзади, чтобы его не было видно.

Олег пошёл, исчезая в пролётной темноте. Когда он дошёл до салона второго класса, то сел на место рядом с врачом и потихоньку передал ему пистолет.

— Ну наконец-то, а то я заскучал, — ответил Андрей.

Олег, подняв руки, пошёл в тамбур между кабиной пилота и салоном первого класса. К нему тут же подбежал Патрик Лосо.

— Ты чё, жить совсем не хочешь?! — крикнул он.

— Мне по нужде надо! — ответил Олег.

— Какая нужда?

— Ну, в туалет, — и показал пальцем.

— А, понятно! — сказал Патрик Лосо.

— Только быстро.

Олег зашёл в туалет. Когда он посмотрел на себя в зеркало, то испугался. Он был похож на пионера, сбежавшего из пионерлагеря. «Ну, командир ты бы на меня ещё прикид Леди Гаги накинул», — подумал он. Олег достал цепь и вышел из туалета.

— Странно, у вас на полу золото валяется!

— Где? — спросил Патрик Лосо.

— Вот, — показал ему цепь. Патрик Лосо посмотрел по сторонам, взял цепь:

— Иди на место.

Олег вернулся на своё место, тут же включили свет. Патрик Лосо шёл по проёму и глядел на пол. «Сработало», — произнёс командир. Террорист приближался к хвосту самолёта, командир бросил перстень ближе к заднему выходу. Увидев перстень, Патрик Лосо наклонился, чтобы его поднять, и тут же его повалили на пол, вставив в рот кляп. Когда Патрик Лосо пришёл в себя, он не мог поверить собственным глазам. Перед ним был спецназ, которого они не ждали и боялись.

— Если будешь помогать, будешь жить, — сказал командир.

Патрик Лосо что-то мычал.

— Я сейчас буду задавать вопросы, ты на них отвечать, ясно?

Террорист мотал головой.

— Я вытащу кляп у тебя изо рта, но запомни, если ты закричишь, я лично буду резать тебя на куски. Пока твои до нас доберутся, от тебя ничего не останется, понял?

Патрик Лосо помотал головой. Володя вытащил кляп.

— Сколько вас на борту? — спросил Андрей.

— Четыре, — ответил Патрик Лосо.

— Где они сидят? — спросил командир.

— Один в кабине.

— Остальные где? — спросил Володя.

— В креслах, — испуганно отвечал он. Его геройство исчезло в ту же секунду.

— В каких именно? — спрашивал Валера.

— Один в первом классе, ещё один в девятом ряду справа. — Он имел в виду Чебурашку.

— У кого детонатор? — спросил Андрей.

— У Ахмеда.

— Где он?

— В шестом ряду слева.

— Ребята, работаем.

Андрей спустил террориста в низ багажного отсека, пристегнул наручники и вставил кляп в рот.

Они двигались в полной тишине.

— Хвост слева — чисто, хвост справа — чисто! Входим в салон, террористов не вижу.

— Я тоже.

Первым увидел спецназ дед Иван, сидевший в последнем ряду самолёта. Он от радости чуть не закричал. Олег поднял указательный палец и приставил к

губам, дед Иван всё понял.

— Идём дальше. Командир, что у тебя?

— Тихо.

Вдруг в салоне кто-то закричал: «Штурм, штурм!». Раздался выстрел. Террористы ринулись в салон.

— Володя, пускай газ!

Володя выдернул чеку и бросил вдоль пролёта, где находились террористы.

— Чёрт возьми! — крикнул Володя.

— Что у тебя? — громко спросил командир.

— Газ не сработал.

Неожиданно со стороны первого класса раздались выстрелы, командир тут же открыл ответный огонь. Прикрывавший сзади Антон крикнул:

— Никому не вставать, лежать всем на месте!

Володя крикнул:

— Валера сзади?

Сзади него оказался Чебурашка, Бандар бон Султан, который задремал в последнем ряду. Он успел ударить ножом в бок Валеру. Хлынула кровь, Валера упал на кресло. Тут же подбежал Сергей, идущий сзади. Завязался рукопашный бой. Чебурашка напал первым, Сергей изо всех сил откинул его от себя, отбил удар ножом, сделав несколько оборотов вокруг его оси, и, обхватив сзади, перерезал ему горло. В это время в первом классе самолёта террорист стал отчаянно стрелять куда попало, схватил стюардессу Ольгу Милаеву и выстрелил ей в голову. Кровь разлилась по салону, девушка упала, так ничего и не поняв. Сергей прицельно выпустил в него всю обойму, террорист упал. С другой стороны отстреливался тот, кто сидел в пролёте между бизнес-классом и кабиной пилота. Он поставил перед собой двух женщин, прикрываясь ими. Все что-то кричали и стреляли во все стороны. Пули разлетались везде и повсюду, неизбежно находя свои цели. Салон превращался в месиво из крови и трупов людей. Одновременно Антон уводил людей в хвост самолета, пытаясь спасти им жизнь. Командир нырнул меж кресел и одиночными очередями снял ещё одного, им оказался Асахара Лабек.

Володя кинул газовую гранату, ещё мгновение и стрельба прекратилась. Олег и врач Андрей подбежали к двери, пытаясь открыть переднюю дверь самолёта. В это время подавали трап. Володя вернулся в салон.

— Командир, ты как?

— Всё в порядке, — вытирая с лица кровь, ответил он.

— Сам как?

— Тоже вроде ничего, — отозвался Володя.

Командир стал помогать женщине встать с кресла. Володя, обернувшись, успел крикнуть:

— Командир, сзади!

Он бросился, прикрывая командира спиной, и тут же прозвучал выстрел. Володя упал, командир в ту же секунду сделал выстрел. Это оказался тот самый последний террорист, сидевший в шестом ряду слева, в суматохе про него просто забыли.

— Володя, слышишь меня? — кричал Василий Лушаков, командир отряда.

— Слышу, командир. Сука, как же так, — прошептал Володя.

— Только не закрывай глаза, — отчаянно кричал командир. Он взял его на руки и вынес из самолёта. Аккуратно положил на траву и закричал:

— Быстро врача, слышите, вы? Врача сюда!

— Командир, ты не забыл, сегодня у моей дочки день рождения, — произнёс Володя.

— Да ты что, как же я забуду? Как и обещал, вместе все пойдём поздравлять твою дочурку.

— Нет, командир, я не смогу!

— Почему?

— Умираю я!

— Ты мне это брось, мы ещё на свадьбе у твоей дочки погуляем! — кричал командир.

Подбежали Антон и Сергей.

— Что с ним? Куда?

— В спину, сука, выстрелил, — еле проговорил командир.

На улице пошёл дождь, он смывал с лица Володи кровь. Подбежали врачи.

— Что с ним?

Командир только произнёс:

— В спину.

Друзья приподняли товарища и унесли в карету «Скорой помощи».

— Где Валера? — спросил командир.

— Ранен, — ответил Сергей.

— Твою мать, куда?

— В бок, да ты не переживай, жить будет, — отвечал Сергей.

— Да вон, его врачи осматривают.

— Ну, ты как? — спросил командир.

— Всё в порядке. Сейчас перебинтуют, и я присоединюсь к вам.

— Нет, езжай в больницу, — сказал командир, но Валера начал возражать.

— Отставить, езжай, заодно присмотришь за Володей. Мы подъедем позже.

— Хорошо, — ответил Валера.

Кареты «Скорой помощи» поехали, включив сирены. Командир экипажа, когда вышел в тамбур, увидел лежавшую без движения Ольгу Милаеву. Он подошёл к ней, взял её за руку, но она была уже мертва. Он сильно и громко заплакал, его сердце и душа не могли вынести этого горя. Ей было всего двадцать два года.

— Она же ещё ребёнок, ей жить надо! А её убили, твари, будьте вы прокляты! — кричал командир экипажа Дмитрий Иванович Соколов.

К нему вышел бортинженер Вячеслав Тихов и присел возле них. Немного погодя прибежали девочки, чудом уцелевшие от стрельбы Оксана Лебедь, Наталья Кузьмина.

— Ступайте вниз, я сейчас приду, — сказал командир.

Они вышли и стояли возле трапа, ждали своего любимого командира экипажа. Он ещё долго сидел возле Оли и, как полагается капитану, покинул самолёт последним. Ребята ещё долго сидели на земле, недалеко от самолёта, и глядели на него под проливным дождём. Их было трое.

Вскоре к ним подъехала машина, из неё вышел тот самый майор, командир спецподразделения Ковальчук. Он присел рядом с ними.

— Ну, как вы? — спросил Ковальчук.

— Нормально, — ответили они.

— Все живы?

— Двое раненых, — проговорил Лушаков.

— Кто?

— Валера Малыгин — ножевое, и Володя Смирнов — огнестрельное, — отвечал командир.

В это время отряд Колесникова зачищал салон самолёта.

— Ну, как ты? — спросил Колесников Лушакова.

— Нормально, — ответил Лушаков.

— Что-то вы слишком долго добирались.

— Вася, как только выстрелы услыхали, ринулись к вам.

— Командир, — обратился Степанов из отряда Колесникова, — салон чист, взрывчатки на борту не обнаружено.

— А где она? — переспросил Лушаков.

— Да её там и не было, просто муляж, — отвечал Степанов.

— Там в багажном отделении один сидит, живьём взяли.

— Знаю, — ответил Степанов. — Уже увели.

— А убитые где? — спросил Лушаков.

— Под самолётом лежат, — ответил Степанов.

— А заложники?

— Там, в аэропорту, их врачи осматривают.

— Поехали, отвезу вас, — сказал Ковальчук. Они сели в машину и тронулись, удаляясь всё дальше и дальше от самолёта.

— Куда тебя, — спросил Ковальчук Лушакова, — к матери или к тебе?

— Нет, — ответил Василий Лушаков, — в больницу к ребятам.

— Я тебя понимаю, — качая головой, сказал Ковальчук.

Они ехали молча, им казалась, что минуты длятся вечность.

— Ты можешь ехать быстрее? — сказал Антон.

Он прибавил газу. Они подъехали к больнице. Уже начало светать. Вошли в приёмный покой, там суетились врачи. Медсестра увидела их, подбежала.

— Вам нужна помощь? — спросила она своим почти детским голосом.

— Нет, сестрёнка, спасибо, у нас всё хорошо, — ответил ей Сергей.

— А вы с того самолёта, да?

Они покачали головами.

— Скажи, сюда сегодня привезли наших ребят, где они? — спросил Андрей?

— Минутку, ребята, минутку, я сейчас врача позову.

Спустя минут десять к нам спустился врач.

— Здравствуйте, — поздоровался он с ними.

— Ночь добрая или, точнее, утро, — ответил Лушаков.

— Скажите, как наши ребята?

— Это которых привезли из аэропорта?

— Так точно, — ответил Антон.

— Ребята, у меня не очень хорошая новость для вас…

— Что вы имеете в виду? — спросил Андрей.

Врач открыл папку.

— Малыгину сделана операция, большая потеря крови, сейчас находится в реанимации, состояние средне-тяжёлое, стабильное. А вот второго нам спасти не удалось, мы сделали всё, что могли, простите, — ответил врач, развернулся и ушёл.

— Я что-то не понял, он что имел в виду, а? — проговорил командир Василий Лушаков.

— Эй, слышь, ты! — кричал он вслед врачу.

— Я не понял, где Володя?

У мужественного и терпеливого командира потоком хлынули слёзы. Он начал крушить всё на своём пути, ребята кое-как вывели его на свежий воздух. Он упал на колени, зубами вгрызаясь в землю, орал. Орал так, что из губ пошла кровь, он кусал собственные губы. Он рвал на себе всё, что мог.

— Он за меня погиб, — кричал командир Василий Лушаков, — он меня прикрыл, мать вашу. Почему, а? Почему, сука, почему он, а не я?

Он был просто в бешенстве. Вокруг них собралась толпа народа. Все сняли головные уборы. Его подняли и увели в машину.

— Поехали ко мне, — сказал Антон.

Они поднимались по лестнице. Их встретила мама Антона, Екатерина Александровна, душевной доброты человек.

— Заходите, ребятки, сейчас я вам стол накрою.

Они молча прошли в гостиную и сели.

— А где Валера? — спросила Екатерина Александровна.

— Ранен он, в больнице, — отвечал Антон.

— Ох, Господи, живой?

— Живой, — ответил Сергей.

— Володи не видно, — сказала она.

— Нету больше Володи, мама, — ответил Антон.

— Как же так? — охнула она и, присев на табуретку, схватилась за сердце.

— Вот горе-то! — и заплакала.

Было около девяти утра, они встали за столом, налили по полному стакану водки.

— За тебя, Володя.

— И молча выпили.

— Командир, Володе героя бы выбить. А?

Командир покачал головой:

— Попробуем.

— Пацаны, сегодня день рождения у Алёны, дочки Володи, — проговорил тихо Андрей.

— Как пойдём с такой новостью? — спросил Олег.

— Может, завтра пойдём, ну зачем ребёнку праздник портить, как думаете?

— Нет, сегодня пойдём, — ответил Василий Лушаков, налил водки и выпил.

— Ну, сегодня так сегодня, — сказал Сергей.

— Надо подарок купить, заехать в магазин.

Лушаков тут же посмотрел на Сергея.

— Надо купить самую большую мягкую игрушку, желательно медведя — ей Володя собирался подарить.

— Ясно, — ответил Сергей.

В аэропорту врачи оказывали всю необходимую помощь. Мы сидели рядом: я, Аня, отец Николай. Сидели и просто не могли поверить, что мы живы и нам больше ничего не угрожает. Мы ещё не знали, кто жив, а кто остался лежать там, кого больше не увидят дети, в чей дом пришла беда. Нам подали еду и воду, но никто не мог есть, у всех не было аппетита. Аня спросила у спасателя, когда нас увезут к нашим детям. Он ответил, что сейчас повезли первую колону, вернутся сразу за нами, не переживайте, всё позади. Кто-то плакал, кто-то смеялся. Все понимали, что они только что пережили. В зале было шумно, но

спокойно.

Аня подошла к терминалу у выхода и увидела, как увозят тела убитых людей. Среди них был тот фокусник. У неё защемило сердце. Она вернулась на место, на ней лица не было. Она уставилась в пол.

— Что случилась? — спросил я.

— Ничего, — ответила она.

Она солгала только для того, чтобы мы больше не думали об этом ужасе. Пусть люди запомнят его таким, каким он был, смешным и милым циркачом, который так старался нас поддержать в те ужасные минуты нашей жизни.

Вскоре нас позвали в автобусы, все побежали к ним, словно сумасшедшие, в надежде увидеть своих детей. Спустя сорок минут мы были возле гостиницы «Москва». Подъезжая, все смотрели в окна, где стояли дети. Каждый из нас всматривался в лица детей, ища своё чадо.

После остановки автобуса, как только открыли дверь, все побежали к своим детям. Все плакали от счастья, обнимая и целуя своих чад. Аня обратила внимание: в стороне стояли дети, у которых погибли родители, это было ужасно, на них было больно смотреть. Они продолжали стоять и смотреть, не понимая, что у них нет больше мамы или папы, или сразу обоих.

Нас поселили в номерах: меня — на третьем этаже, Аню с Вовой — на втором, у них была семья в полном, если так можно сказать, составе.

Они зашли ко мне.

— Валентин, вы не хотите с нами прогуляться? — спросила Аня.

— А почему нет, — ответил я.

Взяв за руки Володю, мы пошли на улицу. Мы шли медленно, не спеша. Володя бежал впереди, не понимая, что он пережил. Он наслаждался детской сказочной жизнью. Аня потихоньку приходила в себя, забывая всё произошедшее. Мы просто бродили по улицам, проспектам, бульварам, неожиданно наткнулись на неподалёку стоящую церковь. Я сразу вспомнил отца Николая.

— Как жаль, что я не взял его контакты, — сказал я.

— Чьи? — спросила меня Аня.

— Как чьи? Отца Николая, — ответил я.

— Вы не взяли, а я взяла, — радостно улыбнулась она.

— Вернёмся в гостиницу, я вам дам.

— Хорошо, — ответил я.

— Давайте зайдём в церковь, — предложила Аня.

— Поддерживаю, — ответил я.

Мы зашли в церковь, там было так тихо и спокойно. Мы поставили свечи и присели на скамейку. Каждый думал о своём, но нас объединяло одно: пережитое за последнее время. Мы сидели очень долго, не заметив, как пролетело время, да мы и не смотрели на часы. Возвратившись в гостиницу, я проводил Аню и Володю до их номера.

— Зайдёте? — спросила Аня.

— Да нет, спасибо, — ответил я.

— Лучше завтра, а сегодня отдыхайте.

— Я попрощался и ушёл.

На следующее утро мы прощались между собой, те, кто был на борту этого самолёта. Кто-то обменивался телефонами, кто-то адресами. Ко мне подошли Аня и Володя.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, — ответил Володя, и мило улыбнулась Аня.

— Ну, вот и всё, — сказал я, — больше уже не увидимся.

Аня опустила глаза, её волосы развевались на ветру. Мы попрощались.

— Берегите себя, — сказала Аня.

— Вы тоже, — ответил я.

— Рады были знакомству с тобой, Валентин, — сказала Аня, опустив голову.

— Я тоже очень, очень рад.

Они развернулись и пошли, мы расходились в разные стороны.

— Дядя Валентин! — услышал я крик Володи.

Я обернулся. Он подбежал ко мне и обнял, протянув бумажку в маленькой ладошке, это был адрес и телефон Ани. Я очень сильно обрадовался, поцеловал Володю, а усевшись в машину, прокричал:

— Аня, я обязательно вам с Володей позвоню или приеду в гости! — Машина увозила меня от них всё дальше и дальше.

Ребята очень долго сидели во дворе Володи Смирнова и никак не решались войти в дверь своего друга с этой ужасной новостью. Они сидели, день был солнечным, в руках был плюшевый медведь, как и хотела маленькая Алёна. Их ноги не слушались и языки словно онемели.

— Надо идти, — еле-еле прошептал Сергей.

— Да, сейчас пойдём, — ответил командир, и опять минут тридцать они не могли решиться.

Спустя часа два они стояли у дверей квартиры, в которую они принесли лихую весть. За дверями было праздничное и весёлое настроение и у маленькой Алёны и у её мамы, Надежды. Они ждали папу с работы, накрывая на стол.

— Мама, а давай торт поставим посередине!

— Давай, очень хорошо придумала, — отвечала Надя, жена Володи.

— Мама, как ты думаешь, папе понравится салат, который я сделала?

— Конечно, понравится, он так тебя безумно любит, что для него одно твоё прикосновение уже подарок!

Маленькая Алёна радовалась жизни.

— Мам, ну где папа?

Надя подошла, взяла телефон и набрала его номер. Через секунду услышала: «Данный абонент недоступен». Она положила трубку.

— Наверное, подарок тебе покупает!

— Мама ты же знаешь нашего папу, он долго думает, что купить. Но быстро принимает решение, — прокричала маленькая Алёна и засмеялась.

В дверях раздался звонок.

— Мама, мама, папа приехал, пошли быстрее открывать дверь!

— Бегу, Алёнушка, бегу.

Надя открыла дверь.

— Ребята, слава богу, ну где вас носит, у нас уже всё готово. А где Володя? Как обычно, в магазине читает инструкции? Проходите, ребята, в гостиную, я сейчас, — торопливо кричала из кухни Надя.

Алёна вбежала в гостиную и увидала большого медведя.

— Это мне? — спросила Алёна.

— Конечно, — ответил ей Андрей и протянул подарок.

— Мама, смотри, какой огромный медведь, он больше, чем я!

— Хорошо, хорошо, — кричала из кухни Надя.

— Ребята, помогите кто-нибудь!

Василий Лушаков вошёл в кухню.

— Вася, возьми и унеси, пожалуйста, колбасу и подай сыр. А где Валера, что-то я его не заметила?

— Надя, мне нужно что-то тебе сказать, — промямлил Василий.

— Скажешь, всё скажешь. Подай хлеб, его нужно нарезать.

Он подал ей хлеб.

— Надюша, родная, я не знаю, как тебе это сказать…

— Как есть, так и говори, — ответила она, напевая песню.

— Надя, Володя не придёт.

— Что значит, не придёт? — улыбаясь и не придавая особого значения этим словам, спросила Надя.

— Надя, — выжимая с себя последние силы, — произнёс Василий, — он погиб.

— Ну, погиб! Зачем погиб? Кто погиб?

— Надя, Володя погиб.

Надя медленно повернула лицо и посмотрела на Василия.

— Вася, ну и шутки у тебя, я тебе скажу, — ответила она, вглядываясь в его глаза, которые были все ещё красные от слёз.

Она медленно опускалась на стул, она ещё ждала, что он скажет, что это не так, но он только, опустив голову, сказал:

— Прости меня, что не уберёг твоего мужа.

Она ещё долго сидела и не могла понять всё происходящее, потом она встала и вошла в гостиную, где стояли остальные ребята. Она посмотрела на всех и тут у неё началась истерика, она рыдала, она кричала и била по лицу Василия. Она села за стол, налила в стакан водки и выпила. Её руки очень сильно тряслись, и лицо мгновенно стало белым.

Она сидела молча, смотрела в пол, ребята убрали со стола торт и шампанское. Спустя минут тридцать она пришла в себя. Вытирая слёзы, она спросила, как это произошло? Ей начали рассказывать, как было. Как он, рискуя собой, прикрыл собственной спиной командира.

— Ребята, — произнесла Надя, — Алёне не надо портить праздник. Для неё папа это как принц на белом коне, он для неё герой.

— А он и есть герой, — ответил Олег.

— Пусть она запомнит отца таким, каким она его помнит, — сказал Андрей.

— Знаете, у Володи день рождения должен был быть через два месяца, хотела сделать ему подарок: у нас должен родиться малыш… — сказала Надя.

В квартиру Смирновых пришёл траур, которого никто не ждал. Десятое июля 2014 года. Двенадцать часов дня. На похоронах Володи Смирнова.

Возле гроба стояли Володина жена, мама, они стояли в чёрном, прижавшись друг к другу и громко рыдали. Их часы словно остановились навсегда. Только одна маленькая Алёна подходила к гробу своего отца и, трогая его за руку, говорила:

— Папа, вставай, пойдём домой, ты весь замёрз, ты весь холодный. Дома тепло, мама нам сделает горячего чаю.

Она не понимала, что видит своего папу последние мгновения в своей жизни.

На кладбище стояли толпы людей, там были все сослуживцы, друзья, подруги, командиры и те самые пассажиры рейса восемьсот тридцать четыре. Они пришли проводить в последний путь того самого: отца, сына, брата, который

ценой своей жизни спасал их жизни, Володю Смирнова. Провожали его со всеми почестями. Раздались три залпа из орудий, все вздрогнули.

Так закончилась жизнь замечательного спецназовца, старшего лейтенанта Владимира Смирнова. Его похоронили на федеральном военном мемориальном кладбище.

В этот же день хоронили и молодую стюардессу Ольгу Милаеву. Как, впрочем, и всех, кто погиб в тот день на борту восемьсот тридцать четвёртого рейса, летевшего из Нью-Йорка в Санкт-Петербург.

ЭПИЛОГ

Год спустя

Стюардессы Оксана Лебедь и Наталья Кузьмина продолжают летать в авиакомпании «Аэрофлот», замуж они так пока не вышли. Командир экипажа больше не летал, медкомиссия списала его на землю. Сердце не выдерживало нагрузок, он уехал к себе на дачный участок, где выращивал клубнику. К нему часто приезжали Оксана и Наташа, они гуляли по лесу, по излюбленным его тропкам, и наслаждались жизнью. Для них он оставался единственным командиром и лучшим другом.

Он часто смотрел на пролетающие мимо самолёты, его сердце рвалось в небо. Через полгода его не стало. Дмитрий Иванович Соколов скончался от сердечной недостаточности. Ему был присвоен орден «За заслуги перед Отечеством» первой степени.

Отец Николай продолжает богослужения, к нему часто приходят люди и рассказывают свои истории. Он всех выслушивает, как и подобает священнослужителю.

Стюардесса Ольга Миляева была посмертно награждена орденом «За мужество». Её похоронили на Новодевичьем кладбище, там, где всегда живые цветы. Ей было всего двадцать два года.

Надежда Смирнова так больше замуж не выйдет, через восемь месяцев у неё родится мальчик, которого она назвала в память о любимом муже Володей. Она откроет благотворительный фонд «Владимир» и будет помогать всем семьям погибших от рук террористов, её дочка будет расти и учиться на отличные отметки, так, как учил её папа.

Василий Лушаков очень долго ещё обивал кабинеты высших начальников, только для того, чтобы восторжествовала справедливость. Он добивался, чтобы

его другу, товарищу дали заслуженно звание «Героя России». Но, как принято говорить, начальству виднее…

Старшему лейтенанту Смирнову Владимиру Павловичу, погибшему при освобождении заложников от рук террористов, был посмертно присвоен «Орден Святого Георгия» первой степени.

Каждый год десятого июля возле могилы старшего лейтенанта Смирнова Владимира Павловича лежат свежие цветы и молча стоят его друзья. Их головные уборы сняты, они смотрят сквозь могилу, словно просят прощения. Так они приветствуют и отдают долг памяти своему другу и герою, павшему в борьбе с терроризмом.

В тот день погибло сорок шесть пассажиров, два члена экипажа и один спецназовец.

Второго пилота, Андрея Самоцветова, похоронили на Новодевичьем кладбище. Ему был посмертно присвоен орден «За отвагу».

Что касается меня, я женился. Я долго думал об Ане и о Володе, не мог их забыть. Нашёл ту записку, которую мне передал Володя, и приехал.

Позвонил в дверь, открыла Аня, увидев меня, обрадовалась. С тех пор мы вместе: я, Аня, Володя. Через шесть месяцев ждём пополнение — дочку, которую решили назвать Олей в честь погибшей стюардессы.

Аня по-прежнему работает врачом, лечит детей. А я всё так же работаю журналистом, езжу по миру, пишу разные статьи о том, как тяжела судьба человека. Нас венчал отец Николай, как и обещал, в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Санкт-Петербурге.

Выжившему террористу Патрику Лосо было предъявлено обвинение, он был признан виновным и приговорён к пожизненному заключению. Ровно через пять лет он подаст прошение, но приговор оставят без изменения. Теперь у него есть много времени, чтобы подумать, с кем они воевали? Для чего проливали невинную кровь? И за какой идеал они сражались?

Ещё долго будет слышен звук колоколов,

И немало прольётся слёз в этой не известной нам войне.

Настоящий полководец тот, у кого за спиной мир!

А. Клячко